

ББК 63.3(29=) УДК 94

Барахович П.Н. Служба в Киргизской земле воеводы Ивана Кобыльского 1642 г.

В настоящей работе рассмотрены предпосылки, причины, цели похода томского воеводы Ивана Семеновича Кобыльского во главе служилых Тобольского и Томского разрядов против киргизских князцов; установлен состав «полка» С.И. Кобыльского; изучена последовательность событий похода; показаны его результаты и последствия.

Обращение к истории похода обусловлено тем, что он являлся крупнейшей военной акцией русского правительства против Киргизской земли первой половины XVII столетия, в то же время событие изучено слабо.

Ключевые слова: XVII в., Россия, Тобольск, Красноярск, Кузнецк, Томск, служилые люди, казаки, татары, киргизы, тубинцы.

Автор: Барахович Павел Николаевич, соискатель кафедры Отечественной Истории Исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета по специальности история. spqr509@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторической очерк). — Фрунзе, 1968.

Абдыкалыков А.Н., Бутанаев В.Я. Материалы по истории Хакасии XVII - начала XVIII века. — Абакан, 1995.

Акишин М.О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII - начала XVIII в. — Новосибирск, 2000.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964.

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. — Новосибирск, 1991.

Андриевич В.К. История Сибири. — СПб., 1889. — Ч. 1.

Барахович П.Н. Борьба с князьями енисейских киргизов в 1641-1642 гг. и основание Ачинского острога [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 234-264. http://www.milhist.info/2015/11/25/barakhovich_1> (25.11.2015).

Барахович П.Н. Поход Андрея Просовецкого в Киргизскую Землю 1634 г. [Электронный

ресурс] // История военного дела исследования и источники. — 2021. — XI. — С. 278-316. http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4 (20.03.2021).

Бахрушин С.В. Научные труды. — M., 1955. — T. 3. — Ч. 2.

Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской истории. — СПб., 1890. — Ч. 1.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени. — СПб., 2008.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Т. 112. — Томск, 1950.

Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. — Абакан, 2007.

Бутанаев В.Я. Сказания о великом хакасском князе Еренаке. — Абакан, 2006.

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). — Екатеринбург, 1998.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960.

Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. — Иркутск, 1925.

Мальцев В.П. Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). — Смоленск, 1940.

Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье XVII-XIX вв. — Новосибирск, 1984.

Сухотин Л.М. Четвертчики Смутного времени (1604-1617). — М., 1912.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. — Новосибирск, 1980.

Фишер И.Э. Сибирская история. — СПб., 1774.

Чертыков В.К. Хакасия в XVII - начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2022/04/17/barakhovich 5

Ссылка для печатных изданий:

Барахович П.Н. Служба в Киргизской земле воеводы Ивана Кобыльского 1642 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2022. — XI. — С. 309-395 http://www.milhist.info/2022/04/17/barakhovich 5 > (17.04.2022).

Barahovich P. Voivode Ivan Kobylsky's service in the Kyrgyz land 1642

This contribution examines the prerequisites, reasons, goals of the crusade started by the Tomsk governor Ivan Semenovich Kobylsky, the head of the servicemen of Tobolsk and Tomsk, against the Kyrgyz princes. It demonstrates the composition of the "regiment" of S.I. Kobylsky, the sequence of events of the crusade, its results and consequences.

The appeal to the history of the crusade is due to the fact that it was the largest military campaign of the Russian government against the Kyrgyz land in the first half of the 17th century, but at the same time, the event is not properly studied.

Keywords: seventeenth century; Russia; Tobolsk, Krasnoyarsk, Kuznetsk, Tomsk, service-men, Cossacks, Tatars, Kirghiz, Tubins.

Author: Barakhovich Pavel Nikolaevich. He graduated in 2007 from the Faculty of Law of the Siberian Federal University as a jurist. Since 2012 he is a researcher of the Department of World History of the Faculty of History in the Krasnoyarsk State Pedagogical University with a degree in history. Research interests: history of Russia XVI - XVII centuries, the history of Siberia in the XVII century, Siberian service people. spqr509@yandex.ru

References:

Abdykalykov A. Enisejskie kirgizy v XVII veke (istoricheskoj ocherk) [The Yenisei Kirghiz in the XVII century (historical essay)]. — Frunze, 1968.

Abdykalykov A.N., Butanaev V.Ja. Materialy po istorii Hakasii XVII - nachala XVIII veka [Materials on the history of Khakassia of the XVII - beginning of the XVIII century]. — Abakan, 1995.

Akishin M.O. Pribyl'nye dela sibirskih voevod i tamozhennyh golov XVII - nachala XVIII v. [Profitable affairs of Siberian voivodes and customs heads of the XVII - beginning of the XVIII century] — Novosibirsk, 2000.

Aleksandrov V.A. Russkoe naselenie Sibiri XVII - nachala XVIII v. (Enisejskij kraj) [The Russian population of Siberia of the XVII - beginning of the XVIII century (Yenisei Region)]. — M., 1964.

Aleksandrov V.A., Pokrovskij N.N. Vlast' i obshhestvo. Sibir' v XVII v. [Power and society. Siberia in the XVII century] — Novosibirsk, 1991.

Andrievich V.K. Istorija Sibiri [The history of Siberia]. — SPb., 1889. — Ch. 1.

Barakhovich P.N. Muscovy's struggle against the Yenisei Kyrgyz's princes in 1641-42 and founding of the Achinsk ostrog [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 234-264. http://www.milhist.info/2015/11/25/barakhovich_1 (25.11.2015).

Barakhovich P.N. The campaign of Andrey Prosovetsky to the Kyrgyz Land in 1634 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2021. — V. XI. — P. 278-316. http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4 (20.03.2021).

Bahrushin S.V. Nauchnye Trudy [Scientific works]. — M., 1955. — T. 3. — Ch. 2.

Bobrinskij A.A. Dvorjanskie rody, vnesennye v obshhij gerbovnik Vserossijskoj istorii [Noble families included in the general coat of arms of the All-Russian history]. — SPb., 1890. — Ch. 1.

Bobrov L.A., Hudjakov Ju.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i Juzhnoj Sibiri v jepohu pozdnego srednevekov'ja i rannego novogo vremeni [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Times]. — SPb., 2008.

Bojarshinova Z.Ja. Naselenie Tomskogo uezda v pervoj polovine XVII veka [The population of Tomsk county in the first half of the XVII century] // Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta

im. V.V. Kujbysheva. T. 112. — Tomsk, 1950.

Butanaev V.Ja. Istorija vhozhdenija Hakasii (Hongoraja) v sostav Rossii [The history of Khakassia (Khongoraya) joining Russia]. — Abakan, 2007.

Butanaev V.Ja. Skazanija o velikom hakasskom knjaze Erenake [Tales of the great Khakass Prince Yerenak]. — Abakan, 2006.

Vershinin E.V. Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voivodeship administration in Siberia (XVII century)]. — Ekaterinburg, 1998.

Dolgih B.O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke [The tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. — M., 1960.

Koz'min N.N. Hakasy. Istoriko-jetnograficheskij i hozjajstvennyj ocherk Minusinskogo kraja [Historical, ethnographic and economic essay of the Minusinsk region]. — Irkutsk, 1925.

Mal'cev V.P. Bor'ba za Smolensk (XVI-XVII vv.) [The Struggle for Smolensk (XVI-XVII centuries)]. — Smolensk, 1940.

Rezun D.Ja. Russkie v srednem Prichulym'e XVII-XIX vv. [Russians in the Middle Prichulymye of the XVII-XIX centuries] — Novosibirsk, 1984.

Suhotin L.M. Chetvertchiki Smutnogo vremeni (1604-1617) [Quarters of the Time of Troubles (1604-1617)]. — M., 1912.

Umanskij A.P. Teleuty i russkie v XVII-XVIII vekah [Teleutes and Russians in the XVII-XVIII centuries]. — Novosibirsk, 1980.

Fisher I.Je. Sibirskaja istorija [Siberian History]. — SPb., 1774.

Chertykov V.K. Hakasija v XVII - nachale XVIII veka i ee vzaimootnoshenija s Rossiej i gosudarstvami Central'noj Azii [Khakassia in the XVII - early XVIII century and its relations with Russia and the states of Central Asia]. — Abakan, 2007.

Internet link:

http://www.milhist.info/2022/04/17/barakhovich_5

Reference:

Barahovich P. Voivode Ivan Kobylsky's service in the Kyrgyz land 1642 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2022. — XI. — C. 309-395 http://www.milhist.info/2022/04/17/barakhovich 5> (17.04.2022).

СЛУЖБА В КИРГИЗСКОЙ ЗЕМЛЕ ВОЕВОДЫ ИВАНА КОБЫЛЬСКОГО 1642 г.

Среди событий ранней военно-политической истории Сибири особое место занимает «служба» в Киргизской земле томского воеводы Ивана Семеновича Кобыльского 1642 г., положившая конец затяжному русско-киргизскому противостоянию первой половины XVII столетия.

Несмотря на то, что поход И.С. Кобыльского упоминается в разных научных работах, его история до сих пор не становилась предметом специального исследования.

Впервые о походе написал И.Э. Фишер в своей «Сибирской истории», основанной на материалах, собранных для Г.Ф. Миллера (опубликована в русском переводе в 1774 г.). О боевых действиях академик сообщил, что И.С. Кобыльский «бился храбро с киргизами, победил их и многих в плен взял». Больше внимания И.Э. Фишер уделил шерти (присяге) киргизов русским, разграничению «сфер влияния» между Томском и Красноярском в Киргизской земле, а также отправке посольства киргизских князцов в Москву¹. Не исключено, что в неопубликованной части «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера содержится рассказ о тех же сюжетах.

П.А. Словцов, чье «Историческое обозрение Сибири» было подготовлено в первой половине XIX в., а увидело свет в 1886 г., не упомянул похода 1642 г., коснувшись только действий предшественника И.С. Кобыльского воеводы Я.О. Тухачевского в 1641 г.²

Генерал В.К. Андриевич в своей «Истории Сибири» (1889 г.) вслед за И.Э. Фишером только упомянул действия И.С. Кобыльского, при этом утверждая, что ближайшие союзники киргизов — тубинцы «еще не скоро угомонились» и стали

www.milhist.info	

платить ясак только в 1654 г.³

Н.Н. Козьмин (1925 г.) повторил данные И.Э. Фишера и П.А. Словцова о походе Я.О. Тухачевского, акцентируя внимание на последовавшей реакции джунгарских владетелей⁴.

Томская исследовательница З.Я. Бояршинова (1950 г.) на примере участия чатов и томских татар в походах 1641 и 1642 гг. показала сотрудничество сибирских иноземцев с русскими. В ее же работе отказ томских служилых идти в Киргизскую землю вместе с Я.О. Тухачевским трактовался как проявление социальных противоречий своего времени⁵.

Некоторые подробности похода 1642 г. были раскрыты в очерке истории «енисейских» киргизов С.В. Бахрушина (увидел свет в 1955 г.), в котором было сказано о переходе И.С. Кобыльским реки Июс и разгроме противника в близлежащих горах⁶.

Л.П. Потапов в книге о происхождении и формировании хакасской народности (1957 г.) отметил «службу» И.С. Кобыльского (датируя ее 1641 г.) и сделал вывод, что она привела к периоду «довольно длительного мирного сосуществования» русских и киргизов. Отметим, что Л.П. Потапов был одним из первых, кто написал об официальном оформлении после походов 1641 и 1642 гг. режима двоеданства в отношении киргизских киштымов (подчиненных киргизам народностей). Также в работе ученого впервые вводилась в научный оборот информация о том, что Я.О. Тухачевский поставил Ачинский острог «в районе р. Белого Июса и близ озера Сызырим»⁷.

В.А. Александров в монографии о русском населении «Енисейского края» (1964 г.) коснулся участия красноярских отрядов в кампании 1642 г., посланных на соединение с томскими служилыми. Исследователь указал дату решающей битвы — 9 августа 1642 г., и место боевых столкновений — р. Туачак за р. Белый Июс (он отождествлял «Белый Июс» XVII столетия с известным притоком Чулыма). Судя

www.milhist.info					
	TATEATTAT TO	ıını	CT	m	•
	VV VV VV - I I I				•
TO TO THE PROPERTY OF THE PROP	** ** ** ***				

по книге В.А. Александрова, красноярцам принадлежала исключительная заслуга в победе над киргизами⁸.

В посвященной «енисейским» киргизам монографии А.Н. Абдыкалыкова (1968 г.) действиям И.С. Кобыльского уделен один абзац. Здесь рассказ о походе и официальном установлении режима двоеданства для киргизских киштымов перекликается со сведениями из книги Л.П. Потапова⁹.

В работе Д.Я. Резуна «Русские в среднем Причулымье XVII–XIX вв.», увидевшей свет в 1984 г., основное внимание было уделено службе Я.О. Тухачевского. Что касается похода И.С. Кобыльского, то Д.Я. Резун, не исследовав всего корпуса документов по теме, определил численность его отряда в 664 чел., а повествуя о боевых эпизодах, ограничился фразой, что И.С. Кобыльский «с красноярской подмогой предпринимает серию походов на юг»¹⁰.

В коллективной монографии «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года» (1993 г.) автор главы о «Хакасии» XVII — начала XVIII вв. К.Г. Копкоев только упомянул поход Я.О. Тухачевского 1641 г. и присягу киргизов русским в следующем году¹¹.

Е.В. Вершинин в своей книге о воеводском управлении в Сибири (1998 г.) привел данные о поощрении Я.О. Тухачевского и И.С. Кобыльского за их службу «в киргизах» (источником здесь послужили дела о награждении сибирских воевод за «прибыли» казне)¹².

Несколько подробнее, чем ранее служба И.С. Кобыльского была описана В.К. Чертыковым (в монографии 2007 г.), где на основе данных В.А. Александрова и отписок самого воеводы была дана краткая, но информативная справка о действиях отрядов, выдвинувшихся из Томска и Красноярска, а потом столкнувшихся с киргизами на р. Туачак (В.К. Чертыков определил численность выступившего из Томска отряда И.С. Кобыльского в 549 чел.)¹³.

В книге В.Я. Бутанаева, увидевшей свет в том же году, что и труд В.К.

Чертыкова, о кампании 1642 г. ничего нового относительно работ предшественников сообщено не было¹⁴. Вместе с тем в научно-популярной работе о «великом хакасском князе Еренаке» В.Я. Бутанаев связал топоним «Туачак» с культовым местом в июсской степи под названием «Тас очак»¹⁵.

В обширном обобщающем труде Ю.С. Худякова и Л.А. Боброва о военном деле кочевников центральной Азии (2008 г.) интересующие нас сюжеты русско-киргизского противостояния являются пересказом работы С.В. Бахрушина¹⁶.

Анализируя историографию, можно заключить, что исследователи касались похода И.С. Кобыльского бегло, порой оставляя его «в тени» военной деятельности Я.О. Тухачевского.

Отметим, что для настоящей статьи очень важна выдающаяся книга Б.О. Долгих о родовом и племенном составе народов Сибири в XVII в. (1960 г.), поскольку в ней содержатся ценнейшие наблюдения по истории ясачных людей Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов, территория которых была театром русско-киргизского противостояния.

В нашей работе 2015 г., посвященной боевым действиям против киргизов в 1641 и 1642 гг., мы уже пытались расширить представление о походе И.С. Кобыльского¹⁷. В данной статье мы возвращаемся к этому историческому сюжету на основе более солидной источниковой базы.

Учитывая сложившуюся историографию, нам следует решить следующие исследовательские задачи:

	- сделать	обзор	исторических	источников,	касающихся	«службы»	И.С
Кобыль	ского в Кі	иргизск	ой земле;				

— рассмотреть цели похода и его предысторию, акцентируя внимание на
недостаточно изученных событиях (например, на некоторых обстоятельствах
пребывания в Киргизской земле Я.О. Тухачевского в 1641 и 1642 гг., поскольку без
их учета невозможно объяснить, почему Сибирский приказ решил переменить

www	<i>w</i> .mil	hist.	info
***	V IAAAA	HILDE	

воевод);

- установить примерную численность и организационный состав русских отрядов, участвовавших в решающих столкновениях 1642 г.;
 - изучить события военной кампании 1642 г.;
 - показать, как награждались служилые люди за успешный поход;
- описать результаты «службы» И.С. Кобыльского и рассмотреть, как после нее складывались отношения между русской властью с одной стороны, а также киргизами, тубинцами и их киштымами с другой.

Количество опубликованных документов о походе И.С. Кобыльского невелико. А.Н. Абдыкалыков и В.Я. Бутанаев в 1995 г. опубликовали документ из санкт-петербургского филиала архива Российский академии наук (далее - СПФ АРАН), озаглавленный ими как «отписка томского воеводы в Сибирский приказ об отправке кыргызских послов в Москву», а также челобитную томских татар об их награждении за службы против киргизов из фонда № 214 (Сибирский приказ) Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). В этих документах события 1642 г. описываются скупо. Отличительными чертами публикации являются перевод дат XVII в. на летоисчисление «от Рождества Христова»; отсутствие нумерации листов подлинника в текстах публикуемых документов; тотальное «исправление» слова «киргизы» на «кыргызы» (т.е. намеренная деформация текста)¹⁸ Последнее обстоятельство побуждает нас пользоваться подлинниками, а не публикацией.

Некоторые сведения о походе И.С. Кобыльского содержатся в прибыльном деле «товарища» томского воеводы дьяка Д.К. Жеребилова, опубликованном М.О. Акишиным. В докладе по челобитной дьяка, составленном в Сибирском приказе на основании отписок томских воевод, коротко говорится о решающем бое с киргизами (без локализации столкновения). Здесь же упоминается награждение Я.О. Тухачевского и И.С. Кобыльского, которое служило примером для

**************************************	lbio		
www.mi	me		
** ** ** ** ***		CILLL	u

пожалования Д.К. Жеребилова за службу¹⁹.

Корпус неопубликованных документов из архивохранилищ Москвы (РГАДА) и Санкт-Петербурга (СПФ АРАН), среди которых имеются материалы, не введенные в научный оборот, довольно обширен.

На основе классификации выдающегося историка-архивиста Н.Н. Оглоблина можно выделить следующие «блоки» необходимых документов.

1. Отписки и «грамоты воеводского управления», представляющие собой официальную корреспонденцию между воеводами и Сибирским приказом, а также между воеводами разных городов и острогов. Большинство сохранившихся документов подобного рода содержатся в столбцах Сибирского приказа (специально киргизской службе 1639−1642 гг. посвящен столбец № 84 описи 3 фонда № 214 РГАДА объемом в 809 листов). Из-за массовой гибели местных архивов подлинников ответных грамот из Москвы на воеводские отписки сохранились немного. Однако благодаря пометам на оборотах отписок, а также черновикам ответных грамот («отпускам»), приложенным к подлинным отпискам, можно судить о том, какое решение было принято в столице по тому или иному вопросу. Кроме этого, некоторые грамоты сохранились в виде копий, сделанных в сибирских архивах для Г.Ф. Миллера в ходе Второй Камчатской экспедиции (хранятся в СПФ АРАН).

Эта группа документов содержит ценнейшие информационные сводки о любых событиях, связанных с Киргизской землей.

- 2. Послужные списки, которые представляют собой поименные перечни служилых людей с указанием заслуг каждого ратника. Об этих источниках будет подробнее рассказано ниже, перед тем как речь пойдет о составе отрядов, действовавших против киргизов летом 1642 г.
- 3. Челобитные о пожаловании за ратные труды участников «киргизской службы» И.С. Кобыльского и «челобитные дела», рассмотренные Сибирским

www.mi		

приказом на их основании.

Время от времени в приказе могли проигнорировать просьбу, о чем можно судить по помете «в столп» на обороте документа. Если челобитную принимали к рассмотрению, то на ее основе формировалось дело с характерной структурой. В него, как правило, включались: сама челобитная; «справки» «в доклад» рассматривавшему дело лицу, составленные на основе отписок воевод и послужных списков; иногда — «роспросные» речи разных людей (например, свидетелей событий) по существу обращения; изложение решения по делу; черновик («отпуск») итоговой грамоты, подлинник которой отдавался челобитчику.

Наиболее важным документом из числа «челобитных дел», обнаруженным нами в РГАДА, является дело о награждении за киргизскую службу ратников Тобольского разряда 1643 г.²⁰

4. Сохранившиеся в составе столбца № 84 Сибирского приказа фрагмент дела о назначении Я.О. Тухачевского на службу в Киргизскую землю и обширное дело о смене его И.С. Кобыльским. В составе этих дел наиболее ценными являются государевы наказы воеводам, в которых ставились задачи военной кампании и скрупулезно описывался план действий²¹. В историографии русско-киргизского противостояния на инструктивный материал почти не обращалось внимания.

Перед началом нашего повествования следует сделать пару важных оговорок. В XVII столетии представителей сибирских народов (будь то ясачные люди или враждебные аборигены) русские люди называли иноземцами, и поэтому такое обобщающее название будет использоваться в статье (наряду с «привычными» синонимами: иноземцы-иностранцы). Также в официальной документации XVII в. широко практиковалось написание «полуимен» русских людей и иноземцев (например, «Ивашка» вместо «Иван»). При этом существовала тенденция писать дворян, сибирских детей боярских, голов, атаманов «полными»

w.mi		

именами. В данной работе мы не будем раскрывать полуимена, если они содержались в использованных нами документах, чтобы отразить особенности делопроизводства и социальных отношений, а также избежать возможных ошибок в передаче антропонимики.

Киргизы, часто именуемые в историографии «енисейскими», а также союзные им тубинцы в начале XVII столетия контролировали обширные территории в Средней и Южной Сибири.

Наиболее сильным племенным объединением киргизов был Алтысарский улус («большие киргизы»), основная часть кочевий которого находилась на территориях близ слияния Белого и Черного Июсов, а также около Белого и Большого (Божьего) озер. Во главе улуса в 1642 г. стоял князец Ишей Номчин. Алтысарские князцы и «лучшие люди» (представители родовой верхушки) претендовали на контроль над землями, простиравшиеся от притока Чулыма р. Яя ДО енисейского русла, населенными тюркоязычными И кетоязычными народностями. Некоторые киштымы алтысарцев числились государевыми ясачными людьми.

До середины 1640-х гг. русскими источниками в составе алтысарцев выделялся улус князца Ичинея (Ченея, Ижинея) Мергена, территория которого находились восточнее главных кочевий улуса Ишея. Киштымы Ичинея общей численностью порядка 500 чел. (группы бохтинцев, пеших кашинцев, яринцев, хайтонов, которых Б.О. Долгих обособил как обитателей Яринской землицы) проживали восточнее Енисея, в районе русла реки Сисим и ближайших к ней правых притоков Енисея. В документах 1644 г. улус Ичинея был назван Езерским (Елисарским) улусом²². В 1639 г. Я.О. Тухачевский рассказывал в Москве, что киштымы Ичинея «кочуют на оленях» и должны давать своему господину по 10 соболей с человека в год. Многие из них считались красноярскими ясачными, но давали в Красноярск лишь «малой» ясак «утаясь того... князца Ченея» (Ичинея),

**************************************	lbio		
www.mi	me		
** ** ** ** ***		CILLL	u

поскольку он жестоко наказывал их за уплату податей в государеву казну 23 .

Еще одним племенным объединением киргизов был Алтырский улус («верхние киргизы»), основные кочевья которых находились вдоль среднего течения Абакана и его притока р. Уйбат. Старшим князцом у алтырцев к 1642 г. был Талай (Далай). Алтырцы «владели» рядом народностей, проживавших в землях вдоль нижней и средней части бассейна р. Абакан, а также в некоторых горных районах западнее абаканского русла. В 1639 г. Я.О. Тухачевский утверждал, что алтырцы контролировали 1000 ясачных людей Кузнецкого уезда, живших «по реке по Мрасезе и на Кондоме», которые должны были платить киргизским князцам по 10 соболей с человека в год²⁴.

Кочевья ближайших союзников киргизов — тубинцев, во главе которых стоял князец Коян, находились у устья правого притока Енисея большой реки Туба (Упса). Под контролем тубинских князцов были кеты и самоеды в землях к востоку от Енисея. Также они претендовали на господство над красноярскими ясачными людьми, жившими вдоль реки Кан. Нередко тубинцы упоминались в документах наравне с самоедоязычными моторцами, обитавшими несколько восточнее и южнее. Также с тубинцами были тесно связаны кетоязычные котовцы (байкотовцы).

Я.О. Тухачевский оценивал общую военную силу киргизов, тубинцев и моторцев в 900 конных воинов. Также он сообщил в Сибирском приказе, что всего «киргиских князцов и тубинских и матарских с пятьдесят человек, а последней... князец владеет государевыми ясачными людьми с их промыслами по сороку человек и больши»²⁵. Следовательно, по данным будущего воеводы, минимум 2 тыс. ясачных людей несли тяжкое бремя двоеданства.

Сами киргизы и тубинцы находились в зависимости от западномонгольского князя (тайши), носившего титул «алтын-хан» («алтын-царь»). Кроме этого, существовала тенденция к распространению на Киргизскую землю влияния

www.mi	ilhict inf
<u>vv vv vv .111</u>	111113 C.11111

джунгар («черных калмыков»).

Русские люди появились на рубежах киргизской «сферы влияния» в 1604 г., когда был возведен Томский город. Стремление вовлечь в царское подданство и в ясачный платеж киргизских и тубинских киштымов, а также самих киргизов и тубинцев, привело к затяжному русско-киргизскому конфликту, открытые боевые действия которого начались летом 1609 г.²⁶

За три десятилетия русского присутствия в регионе у рубежей Киргизской земли появились три русских уезда: Томский, Кузнецкий (после 1618 г.) и Красноярский (1628 г.), входивших в состав Томского разряда (с 1629 г.). Контроль над Чулымскими ясачными волостями Томского уезда осуществлялся с опорой на Мелесский острог (поставлен в 1621 г.), а Канский острог (возведен в 1636 г.) Красноярского уезда обеспечивал сбор ясака с тубинских киштымов. Таким образом, киргизы и тубинцы оказались стиснутыми русскими опорными пунктами с трех сторон.

Русская администрация путем уговоров и военных акций стремилась прекратить «киргизскую войну». При этом регулярно предпринимались попытки воздействовать на киргизских князцов через алтын-ханов. Долгое время все эти меры оказывались безрезультатными.

Постепенно местные воеводы и руководство Сибирского приказа пришли к выводу, что киргизскую проблему можно решить только военным способом. Безуспешный поход более 530 томских служилых людей и татар под началом А.З. Просовецкого 1634 г. показал, что для этого потребуется мобилизация значительных воинских сил²⁷.

22 января 1639 г. на основании «доклада», подготовленного Сибирским приказом, царь Михаил Федорович принял решение отправить в Киргизскую землю конный отряд, который предстояло сформировать из 870 служилых людей Тобольска, Тюмени, Тары, Томска, Красноярска и Кузнецка (трех городов

www		

Тобольского и трех городов Томского разрядов). Причем из 600 ратников планировалось «устроить» одну «рейтарскую» и пять «копейных» рот, для которых оружие и доспехи были посланы из Москвы, что являлось беспрецедентной мерой. Вместе с русскими служилыми людьми, «литвой» и немцами в походе должны были участвовать тобольские и томские татары²⁸. Во главе «полка» поставили назначенного вторым воеводой города Тары московского дворянина Якова Остафьевича Тухачевского (сам он происходил из Смоленска, а его род относился к «старомосковскому» дворянству и был связан с подмосковной Тухачевской волостью)²⁹. Вероятно, Яков Остафьевич являлся одним из инициаторов похода, поскольку сулил царю от него «прибыль против великие реки Лены» (т.е. сопоставимую с потоком якутской пушнины)³⁰.

К 8 февраля 1639 г. в Сибирском приказе для Я.О. Тухачевского составили наказ, согласно которому он должен был привести киргизов и тубинцев к шерти; взять у них аманатов (заложников); обложить ясаком обитателей Киргизской земли и поставить на ее территории острог (подчеркнем, что наказом не предписывалось размещения в будущем остроге постоянного населения)³¹.

Воплощение в жизнь государева наказа столкнулось со множеством практических трудностей. Планируемое выступление из Тобольска летом 1639 г. совпало с отправкой в Якутию отряда П.П. Головина для организации Ленского разряда, после которого в тобольской казне для людей Я.О. Тухачевского не хватило денег, поэтому начало киргизской службы пришлось отсрочить на год. Лишь 21 августа 1640 г. тобольские и тюменские сотни пришли в Тару, где их дожидался воевода. 1 сентября 1640 г. Я.О. Тухачевский выступил в Томск, куда прибыл 8 октября³².

Задержки выдачи денежного и хлебного жалованья, а также тяготы дальнего перехода стали причинами открытого недовольства в отношении воеводы и всей «киргизской службы» со стороны значительного числа ратных людей (например,

				•
www.	mı	his	Lin	to

они жаловались царю в одной из челобитных, что такой «службы в Сибире, как Сибирь зачалась, конные дальние, не бывало»³³).

Во время движения через Барабинскую степь между воеводой и частью служилых, подстрекаемых тобольским сотенным «головой» Иваном Рукиным и казаком Ивашкой Мисайловым, произошел серьезный конфликт. Я.О. Тухачевскому пришлось приложить немало усилий, чтобы не допустить распада своего «полка», хотя со службы бежало как минимум 47 чел. Впоследствии по поручению Сибирского приказа в Томске был проведен сыск о «воровстве» служилых людей (спустя некоторое время после которого Рукин умер в томской тюрьме)³⁴.

В Томске ратникам Тобольского разряда предстояло переждать осень, зиму и весну. Причем, снова произошли перебои со снабжением. «Хлебные запасы», следовавшие из Тобольска речным путем, поздней осенью 1640 г. «замерзли» на Оби и поэтому служилым пришлось вывозить хлеб «по первому пути» (видимо, зимой, когда закончилась осенняя распутица)³⁵.

Не дожидаясь прибытия в Томск всего жалованья для людей Тобольского разряда на очередной год службы, Я.О. Тухачевский в конце весны 1641 г. стал готовиться к выступлению против киргизов. Воеводе пришлось занять 2200 руб. из томской казны, чтобы выдать ратникам Тобольска, Тюмени и Тары половину их окладов³⁶. Также томские воеводы стольник кн. С.В. Клубков-Мосальский и И.С. Кобыльский выдали «для службы» людям тобольского разряда по чети ржи, всего — 456 четей «без полуосьмины»³⁷. Выступление планировалось на 13 июня 1641 г., однако задержалось на несколько дней³⁸.

В период со времени принятия решения об отправке «в киргизы» Я.О. Тухачевского (начало 1639 г.) до его выступления из Томска русско-киргизское противостояние первой половины XVII столетия достигло наивысшего напряжения, о чем необходимо рассказать особо.

w.mi		

Главной ареной противоборства стал Красноярский уезд. В июне 1639 г. изпод Красноярского острога в Киргизскую землю бежали ясачные «подгородние» татары (аринцы, качинцы, ястынцы), отогнав у красноярских жителей 60 лошадей. В качестве ответных мер в марте и апреле 1640 г. из Красноярска было организовано два похода на киргизов (в результате удалось вернуть улусы двух ястынских князцов)³⁹. Тем временем военное давление иноземцев на уезд усиливалось. В апреле 1640 г. группа тубинцев, а также изменивших царю канских и котовских людей сожгли Канский острог. В мае 1640 г. иноземцы пытались отогнать скот от Красноярска и даже приступали к Ясауловой деревне (совр. с. Есаулово на правом берегу Енисея)⁴⁰. Как следствие, красноярцы совершили в сентябре 1640 г. поход на р. Сисим против киштымов князца Ижинея (Ичинея). В сентябре 1640 г. красноярцами был восстановлен Канский острог, а в декабре разгромлены силы котовских татар⁴¹.

В октябре 1640 г. набеги иноземцев затронули территории к северу от Красноярского уезда, где «воинские люди» разорили окрестности деревень Енисейского уезда «на усть Тунгуски» (Ангары) и на Моколокове лугу⁴².

Непростым было положение в Томском уезде, где в Чулымских волостях постоянно промышляли киргизские князцы. В июне 1640 г. томским служилым при содействии ясачного князца Алтыбая, носившего прозвище «Кривой», удалось разгромить группу киргизов выше устья левого чулымского притока р. Кии. Киргизский князец Бугачей был убит, а князец Изень взят в плен⁴³.

В декабре 1640 г. киргизы появились в районе Мелесского острога и увели в свои владения жителей ряда ясачных волостей (некоторая часть иноземцев вернулась на прежние кочевья в первой половине следующего года)⁴⁴. Последний раз до выступления Я.О. Тухачевского киргизы вторгались в Томский уезд (на территорию Ячинской волости) в мае 1641 г.⁴⁵

Тревожные вести о военных приготовлениях киргизов зимой-весной 1641 г.

www.milhist.info		- 1		
<u>www.111111115t.11110</u>	TATEATEA	mı	hict	into
	VV VV VV		IIIISL.	
				TARE U

приходили в Кузнецкий острог, в связи с которыми воевода Д.В. Кафтырев опасался посылать служилых людей за ясаком и просил военной помощи в Томске⁴⁶.

Русская администрация традиционно пыталась воздействовать на непокорных иноземцев не только силой, но и путем переговоров. Так, в августе 1640 г. красноярские служилые ездили в Киргизскую землю к своим «подгородним» татарам, чтобы уговорить тех вернуться. Несмотря на эти усилия, возвращаться в Красноярский уезд иноземцы начали только с апреля следующего года⁴⁷. В феврале 1641 г. из Томска к киргизам поехал казак Ивашка Грызов, который должен был уговорить находившихся в Киргизской земле ясачных вернуться на свои кочевья. Эта миссия, длившаяся значительное время (на обратном пути Грызов повстречал отряд Я.О. Тухачевского), завершилась частичным успехом, поскольку в ее результате большая группа аринцев откочевала обратно к Красноярску⁴⁸.

Кратко коснувшись русско-киргизского противостояния 1639 - весны 1641 гг., вернемся к действиям Я.О. Тухачевского.

Воевода выдвинулся из Томска 20 июня 1641 г. во главе «полка», который насчитывал вместо положенных 870 всего 660 чел. (в т.ч. 464 людей Тобольского www.milhist.info

разряда, 176 томских и 20 кузнецких ратников, не считая личных слуг воеводы)⁴⁹. Причинами этому послужили недобор людей в сотнях «полка», побеги со службы, а также то, что красноярцы не смогли присоединиться к общим силам. Кроме этого, отдельная группа служилых везла хлебные запасы «полка» на судах вверх по Чулыму.

Отряд двигался из Томска до р. Киргизки (приток Оби к северу от города), потом до переправы в низовьях р. Кии, затем до низовий Черного Июса. После форсирования Черного и Белого Июсов Я.О. Тухачевский пошел в сторону русла р. Уйбат⁵⁰.

Киргизы и тубинцы, зная о движении против них русского войска, предпочли переместиться в южную часть Киргизской земли (на «саянскую границу»). Их основные силы располагались на р. Уйбат, ближе к ее низовьям, а тубинцев — за Абаканом напротив уйбатского устья. Во главе киргизских отрядов стояли князцы Ишей Номчин, Ичиней Мерген, Кочебай, Бехтень и Далай⁵¹.

11 июля 1641 г. в районе среднего течения Уйбата произошло столкновение «полка» Я.О. Тухачевского с улусами князцов Ишея и Ичинея (причем, Ишея не было в своем улусе, т.к. он ездил за Абакан к тубинцам). В результате боя погибло около 70 киргизов и русскими была взята большая добыча, включая 130 ясырей (пленных) и полторы сотни верблюдов. Служилые в своих челобитных указывали, что они потеряли 15 чел. убитыми и 41 ранеными (следовательно, боеспособных осталось только шесть сотен). Ближе к ночи на место недавнего боя прибыл Ишей, который попробовал вступить в переговоры с Я.О. Тухачевским, пытаясь прояснить для себя обстановку⁵².

На следующий день, после того как боевые действия возобновились, воевода принял решение двигаться на север «к урочищу к Кызылам» (в Кизылскую волость), чтобы поставить там острог. С 12 по 14 июля его отряд, отягощенный добычей, с боями шел в верховья Уйбата. Потеряв в ходе этих столкновений не

менее 15 своих воинов и убедившись в невозможности причинить ущерб русскому «полку», Ишей опять попытался вступить в переговоры, обещая присягу, если русские не станут крестить и продавать «ясырей». После неудачи в переговорах киргизы отступили на «саянскую границу»⁵³.

15 июля войско прибыло «на урочище в верх Уйбату, на ростани х Кузнецкому острогу» (т.е. туда, где начиналась «дорога» в Кузнецк)⁵⁴. Здесь со всей остротой проявились разногласия между воеводой и служилой массой, подзуживаемой группой «воров». Я.О. Тухачевский настаивал на необходимости продолжать поход для возведения острога (как того требовал государев наказ), а люди его отряда желали поскорее разделить добычу. В итоге «полк» вышел из-под контроля воеводы и по наущению кузнецкого пятидесятника Куземки Володимерова двинулся в Кузнецк⁵⁵.

Я.О. Тухачевский и небольшая группа верных людей 21 июля 1641 г. пришли в Кизылскую волость. После этого на плоту они поплыли вниз по Чулыму до Мелесского острога, куда прибыли 30 июля, соединившись с отрядом, сопровождавшим продовольствие для войска по Чулыму⁵⁶.

31 июля 1641 г. воевода во главе 40 чел. на двух судах отправился вверх по Чулыму ставить острог и 8 августа поставил укрепление в Ачинской волости «на Белом Июсе и на Сызыриме озере»⁵⁷. Ачинский острог располагался в районе современного с. Дорохово, что неподалеку от г. Назарово Красноярского края (в XVII столетии Чулым от верховья до устья своего притока р. Урюп именовался Белым Июсом)⁵⁸.

Еще С.В. Бахрушин писал об участии красноярских казаков в строительстве Ачинского острога. К сожалению, установить точное время прибытия красноярцев на подмогу отряду Я.О. Тухачевского не представляется возможным. Только известно, что из-за малого количества запасов хлеба воевода не смог оставить красноярских казаков на зиму в основанном им поселении⁵⁹.

	٦
www.milhist.info	1
TT TT TT TTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTTT	4

Пока Я.О. Тухачевский пытался исполнить предписания наказа, его «полк», пройдя мимо Кузнецка, 7 августа 1641 г. прибыл в Томск. При этом кузнецкий воевода Д.В. Кафтырев подобающе отреагировал на поступок кузнецких казаков, распорядившись всех их бить кнутом и после этого выслать на службу. Правда, «в киргизы» они не пошли, а поволоклись в Томск, где обреталась еще длительное время⁶⁰.

Я.О. Тухачевский в своих отписках требовал от томских воевод посадить в тюрьму 34 «заводчика» воровства, не давать его «полку» дворов для постоя, воспрепятствовать продаже ясыря и немедленно выслать на службу его людей⁶¹. Томские власти тщетно пытались исполнить эти требования⁶².

31 августа 1641 г. служилые люди «полка» Я.О. Тухачевского подали в Томске челобитные о своих нуждах, которые в следующем месяце были отправлены в Москву⁶³. Эти челобитные вместе с поступавшими в Сибирский приказ воеводскими отписками о событиях в Киргизской земле летом 1641 г. стали основанием дела о смене на «киргизской службе» Я.О. Тухачевского И.С. Кобыльским.

Стольник кн. С.В. Клубков-Мосальский послал по просьбе «полка» в столицу вместе с челобитными большую «делегацию» из «тобольских дву человек, тюменских дву человек, томсково да тарсково дву человек, да тобольсково одново человека служилого татарина». Когда эта группа прибыла в Тобольск, местные воеводы отнеслись к ней с подозрением и распечатали «для ведома» сопроводительную отписку томских воевод к челобитным. Затем они допросили прибывших служилых, интересуясь, почему те покинули воеводу во время похода, после чего отдали их «за пристава», поскольку не смели отпустить «до государева указа» «воров». Томскую отписку и две челобитные тобольские воеводы запечатали государевой тобольской печатью и послали в Москву с сыном боярским Томилом Петровым, который и подал их в Сибирском приказе в январе 1642 г.64

www.milhist.info	

С «войсковыми» челобитными произошел эпизод, позволивший Д.Я. Резуну сделать ошибочное заключение о том, что тобольские воеводы препятствовали подаче этих документов. Дело в том, что конный казак Семейка Кожевников, привезший в столицу «ясачную казну», отдал в Сибирском приказе «войсковую» челобитную, которую передал ему из тюрьмы один из «воров», казак Петрушка Ушаров⁶⁵. В действительности, в деле о смене Я.О. Тухачевского И.С. Кобыльским после сопроводительной отписки томских воевод и перед «выписками» «в доклад» было подклеено три челобитные. Первая из них, небольшая по объему (всего 2 листа) содержит просьбу о предоставлении дворов в Томске для постоя (на ее обороте помета — «9 августа» 1641 г., поэтому, вероятно, этот документ был составлен и подан сразу после прибытия в Томск «полка» Я.О. Тухачевского). После нее идут две обширные челобитные с описанием всех обстоятельств похода и обвинениями в адрес воеводы. В них содержалось две просьбы: не служить в дальнейшем с Я.О. Тухачевским («службу служить мимо Якова Тухачевского с ыным воеводою») и о пожаловании (награждении) за ратные труды. Обе последние челобитные идентичны по содержанию. Быть может, Томило Петров привез первую и вторую челобитную, а Кожевников копию большой челобитной 66. Как видим, сибирские власти не препятствовали процедуре подачи жалоб, а лишь осудили воровские действия самих жалобщиков.

Для находившихся в Томске служилых Тобольского разряда первостепенным делом стало получение жалованья на очередной год (150 или 1641/42). З августа 1641 г. тобольский сын боярский Михайло Харламов привез в Томск большую сумму денег, из которой 2200 руб. было отдано в томскую казну для погашения займа Я.О. Тухачевского; 64 руб. 12 алт. передано частным лицам (т.к. некоторые служилые брали личные займы для подготовки к службе); 1935 руб. 21 алт. перешло «тобольским денежным приемщикам» из «полка» Я.О. Тухачевского⁶⁷. Хлебные запасы вез тобольский атаман Афанасий Черкасов,

который прибыл в Томск 9 октября 1641 г. С ним было отправлено 2506 мехов муки ржаной (2591 четь), 453 чети круп и толокна (в зачет 906 чети овса) и 781 четь овса. С атаманом в Томск прибыло 1806 мехов муки и 781 четь овса. В Нарымском уезде «замерзло» (т.е. было застигнуто ледоставом) 700 мехов муки и 453 чети круп и толокна⁶⁸. Поэтому служилым, как и годом ранее, пришлось вывозить хлеб самостоятельно «по первому пути». Согласно отписке томских воевод «мехи... были сошново запасу по шти пуд четь, а велено тое муку роздавать в вес по четыре пуда по дватцати по три гивенки с полугривенкою четь»⁶⁹.

Из привезенного Черкасовым запаса, томские воеводы взяли в казну 198 четей муки «заемного хлеба», а остальной хлеб велели раздать служилым (всего по три «меха» человеку). 258 четей без полуосьмины хлеба воеводы решили «донять» со служилых после того как те привезут в Томск «замерзшие» запасы. Служилым татарам не было выслано хлебного жалованья, и поэтому томские воеводы 1 октября 1641 г. приказали выдать каждому из них по осьмине ржи. Схожая проблема была и у тюменских служилых людей, которые служили с пашни без хлебного жалованья (после реформы боярина кн. Ю.Я. Сулешова)⁷⁰.

С запасами, находившимися на Оби, оказалось связано типичное для Сибири XVII столетия злоупотребление. Часть продовольствия (9 мехов муки и 30 мехов овса) была самовольно продана местным ясачным людям (правда, оставленный «при запасах» служилый татарин Исенмаметка утверждал, что давал хлеб «в долг»)⁷¹.

После раздачи денег и хлеба в казне скопился остаток средств, поскольку некоторое количество служилых людей умерло в Томске и было побито в Киргизской земле. Всего «в остатке» оказалось 127 руб. 29 алтын, 153,5 меха ржаной муки, 22 чети круп и толокна, 54 чети овса⁷².

Среди запасов, пришедших с Черкасовым, находился и хлеб для служилых, которые оставались с Я.О. Тухачевским на границе Киргизской земли. Томские

www.mi	lhist.int	n
** ** ** ***	IIII O CIIIII	_

воеводы на основании отписки Я.О. Тухачевского от 8 февраля 1642 г. попытались организовать отправку хлеба грядущей весной в Ачинский острог, что натолкнулось на сопротивление тобольских служилых людей⁷³. Поэтому Я.О. Тухачевский был вынужден выдать хлеб находившимся при нем людям из запасов, привезенных в конце лета 1641 г. для всего «полка»⁷⁴.

После раздачи жалованья томские воеводы безуспешно «по многие дни» уговаривали служилых, чтобы они последовали на службу в Киргизскую землю. Поскольку те не желали служить с Я.О. Тухачевским, им было предложено самим выбрать сотенных голов и «чинить» под их началом «промысл» над неприятелем, «покамест киргиские люди не в скопе». Ратники отвергли это предложение, предпочтя ждать государева указа по их челобитным⁷⁵. Позднее Я.О. Тухачевский упрекал И.С. Кобыльского в том, что служилые писали свои челобитья «умысля» с ним, дабы «служить б им с воеводою, с Ываном Кобыльским»⁷⁶. Однако это обвинение никакими документами не подтверждается.

Кроме денег и хлеба тобольским служилым полагались соль, порох («зелье») и свинец, которые вместе с продовольствием привез Черкасов (каждому по 2 фунта пороха и по 2 фунта свинца). Томские воеводы выдали служилым по их челобитью от 3 января 1642 г. по фунту пороха и по фунту свинца⁷⁷. Также томская администрация снабдила Я.О. Тухачевского боеприпасами (на основании его грамоты, которая пришла в Томск 1 ноября 1641 г.). 4 ноября 1641 г. служилый человек Ивашка Шадрин повез в Ачинский острог 3 пуда пороха и 3 пуда свинца⁷⁸.

Томские воеводы, как и Я.О. Тухачевский, пытались не допустить продажи ясыря служилыми. 16 августа 1641 г. они показали пленных монгольским послам, пребывавшим в Томске, а потом послали группу монголов к киргизам с предложением «добить челом» царю и дать аманатов в Томск, что станет условием отпуска пленников. В начале сентября в Томск приехал киргиз Алтыбайка и просил, чтобы русские не крестили и не продавали «полон», а отдали его «на

откуп». 8 сентября 1641 г. воеводы отправили его назад к киргизским князцам вместе с томским казаком Потапкой Дороховым, который должен был убедить их шертовать в обмен на отпуск пленных «безденежно» (миссия Дорохова, вернувшегося в Томск 30 сентября, к событиям которой мы еще обратимся, оказалась безрезультатной)⁷⁹.

Несмотря на усилия томской администрации, они так и не сумели остановить дележ добычи (в том числе ясыря). Из челобитной служилых людей, остававшихся с Я.О. Тухачевским в Ачинском остроге, можно узнать, что ратники «погромя киргиз, прибежали в Томской город и ясыри, и верблюды, и лошади, и платья, и соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и шубы собольи и лисьи и куньи, и куяки, и шапки железные, и наручи по собе розделили, а на паю им доставалось рублев по десяти и по двенатцати» ⁸⁰. По сведениям Я.О. Тухачевского, киргизы довольно скоро узнали о происходящем разделе добычи, поскольку уже 3 сентября 1641 г. изменившие царю томские татары Елдашка Кошпалатов и Юлка сообщили Ишею и иным князцам, что казаки разделили «ясыри... и верблюды многие» ⁸¹. Служилые люди объясняли свои действия по отношению к пленникам тем, что у них кончились средства на их содержание («для своей нужи и бедности тот ясырь закладывали и продавали») ⁸².

Осенью 1641 г. отряд служилых людей Тобольского разряда понес серьезные потери из-за дезертирства, когда со службы бежало как минимум 68 чел. (7 тарских служилых и 61 тобольский юртовский татарин)⁸³.

В начале 1642 г. дело по челобитным «полка» Я.О. Тухачевского было рассмотрено царем Михаилом Федоровичем. 16 января 1642 г., незадолго до разрешения дела, глава Сибирского приказа Б.М. Лыков приказал опросить сибирских служилых людей, находившихся тогда в Москве, «про киргизов и про киштымов и про острог, где быть в Киргизской земле острогу»⁸⁴. Полученные сведения были выписаны в «доклад» наряду с донесениями Я.О. Тухачевского и

томских воевод об обстоятельствах похода⁸⁵. 19 февраля 1642 г. Б.М. Лыков сделал доклад, на основании которого царь принял следующие решения⁸⁶.

- 1. Я.О. Тухачевскому указывалось идти из Киргизской земли в Томский город, а оттуда в Тару, где быть в воеводах «по-прежнему». Новым воеводой для похода в Киргизскую землю назначался Иван Семенович Кобыльский.
- 2. Томским воеводам следовало писать с «опалою», что те не посадили в тюрьму за непослушанье людей, указанных Я.О. Тухачевским, и не выслали его «полк» обратно на службу.
- 3. «Воровских заводчиков» (34 чел.) «за их за такое великое воровство» надлежало «бити в Томском по торгом кнутом, а, бив, посадить в тюрьму на неделю, и, как они в тюрьме отсидят, и их, подав на поруки, выслати на государеву службу в Кргискую землю», «а пущаго заводчика ж кузнецково казачья пятидесятника Куземку Володимерова... велети бити по торгом кнутом нещадно и посадити в Томском в тюрьму до государева указу, чтоб им всем вперед так не повадно было воровать, з государевы службы бегать и воевод на службе одних метать, и их лаять, и убойством грозить... и не в чем не слушать, те все им вины сказать имянно и наказанье учинить... бес поноровки».
- 4. В случае, если Ачинский острожек был поставлен Я.О. Тухачевским «в крепких и в угожих местех киргиским людем, и тубинцам, и моторцам, и иным... государевым изменником и непослушником к утесненью, а Томскому и Кузнецкому и Красноярскому и Мелескому острогом и ясачным волостям к обереганью», его полагалось еще сильнее укрепить, снабдить гарнизоном и военными припасами, а в дальнейшем использовать как опорный пункт в борьбе с иноземцами. Людей, которые оставались с Я.О. Тухачевским в Ачинском острожке, следовало переменить на службе.
- 5. Поскольку Я.О. Тухачевский сообщил в одной из отписок, что «поставил... острожок в Киргизах в Ачинской волости новой с невеликими людьми, а вперед де

www.mil		

быть острогу в киргизах в Кизылской волости», томским воеводам нужно было «разсмотрети и розыскали накрепко», где лучше быть острожку: там, где его возвел Я.О. Тухачевский в Ачинской волости или на новом месте в Кизылской волости. После чего следовало сделать чертеж нового острожка и отправить его в Москву⁸⁷.

Перед тем как продолжить наше повествование необходимо обратиться к вехам биографии «сменщика» Я.О. Тухачевского И.С. Кобыльского, который начал свою службу еще во времена Смуты. Е.В. Вершинин, пользовавшийся материалами Л.М. Сухотина, отождествил его со смоленским сыном боярским Иваном Кобыльским⁸⁸. Однако согласно данным смоленской десятни 1606 г., полное имя этого служилого человека было Иван Неверев сын Кобыльский⁸⁹. В «кормленной книге» Галицкой четверти 7121-25 гг. фигурирует лицо, которое можно отождествить с нашим героем. Это бельский (служивший по городу Белая, ныне г. Белый Тверской области) сын боярский Иван Семенов сын Кобыльский. Известно, что 20 октября 1613 г. «за бельскую службу и за выход» ему было придано к «старому» окладу в 7 руб. еще 3 рубля⁹⁰. Видимо, под «бельской службой» следует понимать участие в обороне Белой 1610 г. от польских войск. После освобождения города (1613 г.) И.С. Кобыльский некоторое время находился в нем. Известно, что 3 декабря 1615 г. он на месяц с группой бельских детей боярских был направлен на Белоозеро для сбора «запасов» (продовольствия)⁹¹. После Смуты И.С. Кобыльский служил стрелецким и казачьим головой в Белгороде и, занимая эту должность, сумел отличиться. 18 июля 1625 г. он во главе белгородских ратников разбил татарский отряд за р. Осколом у верховий р. Красной и отнял у тех весь русский полон, захваченный в Оскольском уезде и под Валуйкой. В июле 1627 г. он снова разбил татарский «загон» за р. Донцом на р. Береке и освободил пленников 92 . В 145 (1636/37) г. И.С. Кобыльский, посланный из Белгорода, побил татар на Муравском шляхе⁹³. Затем он получил назначение на воеводство в Томск. Спустя немногое время после сибирской службы, с 1646 до

начала 1649 гг., И.С. Кобыльский был «осадным воеводой» в Севске (первым, т.е. главным севским воеводой являлся стольник Замятня Федоров сын Леонтьев). В случае военной тревоги Леонтьев и Кобыльский должны были возглавить комарицких драгун⁹⁴. Судя по фрагментарно сохранившейся родословной росписи Кобыльских, это было последнее военно-административное назначение Ивана Семеновича⁹⁵. Однако севским воеводством служба И.С. Кобыльского не завершилась. В 1652-1654 гг. он выполнял важное поручение: «сыскивал» в Новгородском, Псковском, Старорусском, Каргопольском, Вологодском, Олонецком, Ладожском и Белозерском уездах «сошлых» черносошных крестьян из Заонежских и Лопских погостов. В результате ему удалось «сыскать» 313 крестьянских семей в разных владельческих землях. Среди посадских людей, стрельцов, ямщиков и в дворцовых вотчинах оказалось 381 чел. бывших крестьян (с семьями), еще 125 крестьянских семей перешли из погоста в погост самого Заонежья. Итого было «сыскано» 819 крестьянских семей⁹⁶. Вероятно, Иван Семенович был еще жив в 1658 г., поскольку его имя можно обнаружить среди московских дворян в «боярской книге» этого года⁹⁷.

После принятия решения о смене воеводы были составлены соответствующие грамоты в Томск, Тару и Ачинский острог (лично Я.О. Тухачевскому), которые повез в Сибирь тарский ротмистр Иван Снетовский (при нем же была грамота в Тобольск о том, чтобы задержанных там челобитчиков выслали в Томск)⁹⁸.

Перевозка грамот Снетовским весной 1642 г. не обошлась без происшествий. 18 мая 1642 г. ротмистр «обронил» грамоты в реку Обь «выше Сургута за два днища». Тогда сургутский воевода Андрей Вельяминов отправил вместе со Снетовским на поиски документов служилых людей Алешку Новосильцева и Лучку Романова «со всякий рыбной снастью». Грамоты были благополучно «выловлены» и привезены в Сургут. Здесь воевода высушил их, запечатал

сургутский печатью и отдал Снетовскому. 18 июня 1642 г. документы прибыли в Томск⁹⁹.

Период с осени 1641 г. до конца первой половины лета 1642 г. был насыщен «дипломатическими» и военными акциями русских воевод в отношении «немирных» иноземцев, а также ответными действиями киргизов. Поскольку они оказали влияние на дальнейшие события, им следует уделить им внимание перед рассказом собственно о походе И.С. Кобыльского.

10 августа 1641 г. из Томска бежали «новокрещен» пятидесятника пеших казаков Микитки Расторгуя Мосяшка, а также ясачные люди Елук Сокмачев и Елдашка Кошпалатов. 15 августа 1641 г. ячинский князец Тутубайко, у которого в волости на р. Яя осталось всего 4 чел., попросил в Томске помощи, после чего воеводы послали к нему конных казаков Треньку Недомолвина «с товарищи», всего восемь человек 100. Последующие события, произошедшие в сентябре 1641 г., известны со слов казака Потапки Дорохова, который ездил к киргизам. За два дневных перехода до Божьего озера он наткнулся на киргизской отряд из шести сотен воинов, среди которых были упомянутые томские иноземцы-изменники. Киргизы схватили Дорохова и расспрашивали с пристрастием о том, можно ли им «войною притти» под Томский город. Потапка отвечал, что в Томске много служилых людей, а на дорогах в «сторожах» стоят большие казачьи отряды. В итоге киргизы, не решившись напасть на томские окрестности, направились по наущению изменников в Ячинскую волость, где побили восьмерых служилых. После этого кочевники ушли в свою землю. Дорохову, в отличие от сослуживцев, повезло, так как киргизские князцы отпустили его восвояси (перед этим ограбив «донага») 101 .

Пока Я.О. Тухачевский двигался из Мелесска в Ачинскую волость для строительства острога, его действия, наконец, получили поддержку из Красноярска. Конный отряд из 81 чел. во главе с пятидесятниками Васькой

www		

Пеуновым и Чурилкой Львовым 5 сентября 1641 г. разгромил группу киргизов и яринцев у р. Сисим (в бою было «побито» 9 вражеских «мужиков», 2 «мужика» попали в плен вместе с женами и детьми своих соплеменников)¹⁰².

Спустя некоторое время после возведения Ачинского острога Я.О. Тухачевский без особого успеха пытался объясачить местное население. В конце сентября 1641 г. кизылский князец Татылбай (Татылбайка) и ачинский князец Изерчей (Изерчейка), который являлся сыном Татылбая, лишь обещали дать не уплаченный ясак за четыре года 103.

8 ноября 1641 г. от людей, прибывших из Красноярска в Ачинский острог, Я.О. Тухачевский узнал, что киргизские князцы собираются напасть на русские уезды и призывают на помощь джунгар, мунгатов и точинцев (должны были прийти в Киргизскую землю к весне 1642 г.). Киргизы со своими киштымами в период зимы 1641/42 г., ожидая подмогу, кочевали и «зверовали» (охотились) неподалеку («за днищо») от Ачинского острога, а также в районе Белого и Божьего озер¹⁰⁴.

13 ноября 1641 г. Я.О. Тухачевский послал через кочевья кизылцев и ачинцев к Ишею казака Ивашку Павлова с требованием, чтобы князец присягнул царю и дал «заклады» в Ачинский острог. Кизылцы и ачинцы не пропустили Ивашку к киргизам, заявив при этом, что не станут платить ясак в Ачинск, поскольку уже отправили в Мелесский острог пушнину за два года. В течение долгого времени Я.О. Тухачевскому не удавалось заставить группы кизылцев и ачинцев платить подати в новый острог, вместо чего они продолжали нерегулярно приносить ясак в Мелесск, где «на приказе» находился томский сын боярский Федор Пущин. При этом окрестные иноземцы, являясь двоеданцами, отдавали большую часть собранной пушнины киргизским князцам. Кизилцы прямо говорили ясачным сборщикам: «как... киргиских князсов не слушать? ...они... государи наши» 105.

В конце 1641 г. томские воеводы без согласования с Я.О. Тухачевским

www.milhist.info	

направляли посланников к киргизам с требованиями шертовать царю и дать аманатов в Томский город. В ответ киргизы 12 января 1642 г. прислали в Томск сына Изеня Поятана (также документы именуют его Куянтаем) вместе с улусным человеком Каракушем и двумя «слугами» («кашеварами») и предложили переменить в аманатах Изеня на его отпрыска. После того как Изень вернется на родину, киргизы обещали переговорить со «всей землей» о шерти царю и только затем прислать на смену сыну Изеня «лутчих киргиских людей» 106. Не удовлетворившись статусом предлагаемого аманата, томские воеводы отвергли предложение киргизов и отправили «изенева сына» восвояси. Вместе с ним в Киргизскую землю поехали томский казак Ивашка Коломнин и татарин Янсарь Бегичев, чтобы повторить условия шерти 107.

Позднее Я.О. Тухачевский установил, что визит в Томск «изенева сына» со спутниками был демонстрацией притворного миролюбия иноземцев, чтобы обезопасить себя от действий со стороны русских, пока в Киргизскую землю не прибудут отряды их союзников¹⁰⁸.

В начале 1642 г. Я.О. Тухачевский получил сведения о враждебных действиях «ачинских мужиков», среди которых особо «усердствовал» некий Атаячка (убивал и грабил русских людей)¹⁰⁹. Князцы Татылбай и Изерчей отказались выдать Атаячку русским и откочевали к киргизам «к Начикаю с товарыщи» в земли «на Белом Июсе близ устья Чорново Июсу», после чего воевода решился на военную акцию (силы кизылцев и ачинцев Тухачевский оценивал так: «садитца на лошедь больше тритцати человек»)¹¹⁰. Для этого Я.О. Тухачевский вызвал из Красноярска конную казачью «пятидесятню» Василия Пеунова (этот отряд должен был зимовать в Ачинске, но из-за недостатка продовольствия находился в своем остроге), а также просил А.П. Баскакова послать служилых «от себя» «сколько человек пригож». 2 марта 1642 г. из Красноярска выступил отряд в составе 43 казаков под началом пятидесятника Пеунова, 66 казаков во главе с

пешим атаманом Емельяном (Елисеем) Тюменцовым, а также группы «подгородних» татар. 12 марта неподалеку от слияния Черного и Белого Июсов, «на речке на Салгане» они разгромили улус киргизского «лутчего человека» Начикая, а также беглых кизылцев и ачинцев. Согласно послужным спискам, было убито 30 иноземцев и 14 взрослых мужчин взято в плен. Татылбай и Изерчей вместе с семьей Начикая оказались в плену (после боя всех пленников отправили в Красноярск из-за пресловутой скудости припасов в Ачинске)¹¹¹.

«Лутчий человек» Начикай во время разгрома своего улуса отсутствовал в родных угодьях. В это время он во главе 70 киргизов, кизылцев и ачинцев (в этом отряде был и упомянутый Атаячка) совершил набег «под Томской город, за днищо от Томсково города на реку на Чюлым и на усть реки Яя». Начикай со своими людьми убили «радетельного князца» Алтыбайка Кривого, 17 «лучших» ясачных людей, четырех томских служилых людей и 43 торговых человека, шедших из Томска в Енисейск. Некоторых ясачных князцов со всем семейством и имуществом киргизы увели в свои улусы¹¹². Также они в отместку за помощь русским при поимке Изеня в 1640 г. подвергли князца Алтыбая страшной смерти. Как позднее сообщал его сын Богдан (Богдашка), «отца моего, Олтабая, жива взяли и наругались всякими му[ками] и жива в котле сварили, и мать мою и братей и с[естер] в ясырство поимали»¹¹³.

Вернувшись из набега и обнаружив свой улус разгромленным, Начикай 31 марта 1642 г. просил Я.О. Тухачевского отдать ему ясырь на выкуп. Воевода отвечал киргизу, что это будет возможно только по государеву указу и при условии, что киргизские князцы шертуют и дадут «заклады» в Ачинск, Кузнецк и Красноярск¹¹⁴.

7 апреля 1642 г. в Ачинск прибыла «пятидесятня» Василия Пеунова (при ней находился князец Изерчей), из которой воевода взял в гарнизон 20 чел., а остальных выслал на Красный яр «для того, что всем было им прокормитца нечем». О

www.mil		

положении ачинского гарнизона воевода писал в Москву, что «и те кормятца рыбою да сараною и я им дал своево запасишку по три пуда муки на человека к рыбе и к саране примешивать» (сарана — сибирская лилия, луковицы которой употреблялись в пищу). Позднее Изерчей был приведен к шерти и отправлен Я.О. Тухачевским в свою волость (его сородичи оставались в аманатах)¹¹⁵. Кроме всего этого, одним из результатов похода против Начикая было возвращение под Красноярск групп аринцев, среди которых был старший сын князца Омочая Балык¹¹⁶.

После похода Тюменцова Я.О. Тухачевскому удалось достичь некоторых успехов в объясачивании окрестных иноземцев. Он обложил ясаком в 10 соболей с каждого взрослого мужчину «Игынскую волостку, меж Ачинской и Басагарской волостями», где оказалось 7 податных людей («волостку» можно связать с притоком Чулыма р. Игинкой севернее совр. г. Ачинска, где в наше время находится одноименная деревня)¹¹⁷. 1 мая 1642 г. в Ачинске шертовала группа кизылцев, прибывшая с ясаком, в составе которого кроме пушнины бала «лошадь за четырнатцать соболей». Я.О. Тухачевский не принял ясак, мотивируя это тем, что он уже был уплачен в Мелесский острог. При этом он взял обещание с кизылцев давать в Ачинск по 10 соболей с одного ясачного ежегодно¹¹⁸.

В самом конце своего пребывания в Ачинском острожке Я.О. Тухачевскому, наконец, удалось расправиться с «вором» Атаячкой. 6 июня 1642 г. посланный воеводой отряд из 11 чел. побил иноземцев, которые кочевали на «речке на Кемчуге и на реке Усыре». Как известно, у Чулыма есть два притока с названием Сыр, верховья которых недалеко от верховьев Большого Кемчуга. Само столкновение произошло вблизи устья одной из речек под названием Сыр. Четверо иноземцев (в т.ч. Атаячка) были убиты, а их жены и дети попали в плен. Оставшиеся в живых родичи Атаячки были обложены ясаком¹¹⁹.

В последний месяц весны Я.О. Тухачевский оказался вовлечен в

переговорный процесс с киргизскими князцами. З мая 1642 г. в Ачинский острог от Ишея приехали его улусные люди Енек и Буга, при которых находился возвращавшийся в Томск Ивашка Коломнин. В ответ на «миссию» Коломнина киргизы решили общаться не с Томском, а с Я.О. Тухачевским, т.к., по его утверждению, опасались угроз томских воевод. Как писал Я.О. Тухачевский в Москву, киргизы просили послать к ним из Ачинска людей, чтобы договориться о шерти царю при условии, что жена и дети Начикая будут отданы им с Красного яра¹²⁰.

4 мая 1642 г. из Ачинского острога к киргизам поехали сын боярский Юрий Ядловский и казак Иван Павлов вместе с упомянутыми Енеком и Бугой. Ядловский по приезде к киргизам, которые, как и летом 1641 г., собрались на Абакане, озвучил им требование Я.О. Тухачевского присягнуть царю. В ответ князцы «привели перед нево, Юрьем, добрых улусных людей Чокуртеку да Каракуш[а]... велели им шертовать за себя и за улусных людей на том, будет... государь пожалует, велит отдать начикаеву жену и детей, и... киргизские князцы и улусные люди, все де государю» дадут «крепкую шерть». После этого они послали «бить челом» в Ачинский острог князца Инбея Ноятаяшкаева в сопровождении Ивашки Павлова и находившегося в Киргизской земле басагарского князца Кучука. Ядловский на время этой миссии оставался у иноземцев. 31 мая 1642 г. князцы вместе с казаком приехали в Ачинский острог, где Инбей снова поставил вопрос «о начикаеве жене и о детях» (т.е. повторил прежние предложения киргизов). Я.О. Тухачевский отказал Инбею со словами, что, если киргизы не дадут шерти и аманатов, государь не только не отдаст им родню князца, но велит их воевать «безпрестанно» и «истеснить» их землю острогами. Передать требования воеводы к киргизам поехал Кучук, а Инбей был на время оставлен в Ачинске¹²¹.

13 июня 1642 г. в Ачинский острог вернулся Юрий Ядловский, при котором были Янсарь Бегичев (видимо, он задержался «в киргизах» после отъезда

**************************************	-	
www.mi	I C	
** ** **	U	110

Коломнина) и киргиз Каракуш. Ядловский поведал в ачинской съезжей избе, что после того как Кучук передал слова Я.О. Тухачевского киргизам, 4 июня к Ядловскому съехались «киргизские князсы и тубинцы и моторцы». По словам сына боярского, иноземцы желали дать шерть и послать «к Москве» челобитчиков Таитыкая Кочебаева и брата Ишея Кенчибея с просьбами к царю, чтобы он разрешил «приезжать вместо аманатов к Москве человека по два за... государевым ясаком, что зберут с их кыштымов по вся годы» (т.е. по сути они решили взять на себя часть функций воеводской администрации, что, естественно, было неприемлемо для русской стороны). По поводу аманатов киргизы заявили, что решили «закладов в городы и в остроги не давывать», так как русские «уморили... лучево князса Кару в Томском городе, а нынче... морят Изеня в железах». В это время к месту переговоров из «кузнецких ясачных волостей», что по реке Мрассу, приехали киргизские улусные люди с тревожной вестью. Они поведали, что против киргизов из Томска выступила царская рать, якобы насчитывающая 3 тыс. чел. (это была весть о походе И.С. Кобыльского). После чего киргизы, тубинцы и моторцы «подывся со всеми улусы», взяв с собой Ядловского и Янсаря, «бежали от реки Умахану в Саянские горы три днища в вершину по речке Убаты» и встали «на речке Убатах». В становище на Уйбате Ишей объявил посланцам, что если Я.О. Тухачевский не «уймет» служилых, то киргизы готовы бежать в «чорные калмыки», а «добить челом» царю во время боевых действий невозможно. После этого князцы Сенжа, Сенчикей и Серко, а также лучшие улусные люди Юмакай и Начикай послали с Ядловским в Ачинск Каракуша с распоряжением Инбею шертовать царю за них. Я.О. Тухачевский привел к шерти Инбея и отправил его на Уйбат и Абакан, «в Саянские горы» к его «братье» с предложением, чтобы они ехали в Ачинск «безбоязненно». Также Инбею надлежало говорить Ишею, чтобы тот отставил свое намерение бежать к джунгарам. На время поездки Инбея Каракуш был оставлен в Ачинске¹²². Эта миссия так и не была завершена до смены на воеводстве Я.О. Тухачевского И.С. Кобыльским.

Судя по последовавшим событиям, переговоры с Ядловским служили для киргизов и тубинцев средством скрыть военные приготовления, дезинформировать противника и, по возможности, затянуть военную кампанию, чтобы получить помощь от союзников.

Теперь следует вернуться к обстоятельствам начала похода И.С. Кобыльского.

После того как в Томск была привезена грамота о смене Я.О. Тухачевского, местные воеводы наказали «заводчиков воровства», велели их «бить кнутом, водя по торгом, и посадили их в тюрьму на неделю». Пятидесятник Куземка Володимеров был выпорот и посажен в тюрьму до «государева указа». Его следовало освободить согласно государевой грамоте 19 сентября 1643 г., однако на свободе Куземка оказался раньше, так как имеются данные о его участии в походе против керсагальцев в феврале 1643 г. 123

Документы сохранили перечень людей, подлежавших наказанию. Это были головы Якуб (Яков) Карватцкий (Карвацкий), Ян Мишковский, Юрий Воеводский, Максим Молчанов, Владимир Кляпиков, Степан Неверов; тобольские дети боярские Степан Голынский и Кондратий Бовыкин; томской сын боярский Василий Былин; тобольские иноземцы и казаки Иван Софонов (ясаул литовской сотни), Антон Добрынский, Денис Рачковский, Михайло Лошкин, Андрюшка Волков, Афонька Федоров; ясаул тобольских конных казаков Петрушка Ушаров; знаменщик Петрушка Зужжа; тюменские казаки Тренька Утешов и Васька Денщиков; тарские казаки Максимка Кузнецов, Митька Маннов и Петрушка Удавлеников; томские казачий пятидесятник Филонко Клементьев и ясаул Поспелко Михайлов; томские казаки Мишка Астраханцев, Митька Вяткин, Васька и Сенька Паламошные, Ивашка Алпатов, Васька Завьялов и Кручинка Коломнин; уже упомянутый кузнецкий пятидесятник Куземка Володимеров; кузнецкие казаки

www.mi	

Попугайко (так!) Иванов и Зеновка Вавилов. Наказанию были подвергнуты все кроме Ушарова, который, видимо, еще находился в Тобольске¹²⁴.

После экзекуции И.С. Кобыльский начал собирать в Томске отряд для решающего похода. Согласно отпискам воеводы, в состав «полка» были включены 7 тобольских детей боярских, 169 чел. из двух тобольских сотен «литвы и казаков»; 2 тюменских сына боярских, 172 тюменских казака; 75 тарских казаков и 24 тобольских татарина. Всего из Тобольского разряда — 449 чел. (ко времени выступления И.С. Кобыльского наибольшая убыль была среди тобольских «юртовских» татар)¹²⁵. Помимо этого, из числа томских служилых было послано 10 детей боярских и 90 казаков. Справедливо полагая, что таких сил недостаточно, воеводы к ним прибавили 5 томских детей боярских и 110 чел. томских казаков ¹²⁶. Таким образом, согласно отпискам И.С. Кобыльского, в отряде должно было насчитываться 664 чел. Однако в них не упоминались почти девять десятков чатских мурз и томских юртовских татар, которые, судя по послужному списку (о нем будет сказано ниже), присутствовали в войске. С их учетом размер «полка», отправившегося из Томска, мог составлять порядка 750 чел.

И.С. Кобыльский отмечал, что для снабжения войска не хватало хлеба, и поэтому ратники взяли с собой только по полтора пуда хлебного запаса. Также выступление «полка» омрачил пожар в Богоявленской слободе на «нижнем посаде» Томского города (всего выгорело около 60 дворов)¹²⁷.

Во главе «полка» И.С. Кобыльский выступил из Томска 10 июля 1642 г. Ровно через две недели, 24 июля 1642 г. он прибыл в Ачинский острог и 29 июля принял его со всем находившимся там имуществом у Я.О. Тухачевского, о чем была составлена «росписная память» (видимо, подготовка к передаче острога заняла несколько дней). Новый воевода «отпустил» находившихся в остроге служилых людей (томичей — в Томск, людей тобольского разряда «в судах» по своим городам, а кузнечан «не займуя» Томского города в Кузнецк)¹²⁸. Затем Я.О.

Тухачевский покинул Ачинск и последовал в Томск. При нем был киргиз Каракуш, которого бывший воевода по прибытии в Томск передал кн. С.В. Клубкову-Мосальскому и дьяку Д.К. Жеребилову (здесь Каракуш дал царю «крепкую шерть», чтобы впредь быть под «государевой рукой»). 7 октября 1642 г. Я.О. Тухачевский вернулся в Тару¹²⁹.

В кампании 1642 г. активное участие приняли красноярцы. Воевода А.П. Баскаков писал в Москву, что 10 июля ему было приказано на подмогу И.С. Кобыльскому послать людей в Ачинский острог, куда 30 июля 1642 г. он направил 50 конных казаков во главе с пятидесятником Чурилкой Львовым. Согласно воеводской отписке, вместе с отрядом Чурилки пошли 50 конных казаков под началом ссыльного ротмистра Степана Коловского и 80 ясачных аринских и качинских татар во главе с атаманом Милославом Кольцовым и старым аринским князцом Абытаем Тюлькиным. Также воевода отправил вверх по Енисею в стругах отряд из 130 пеших казаков во главе с пятидесятниками Микиткой Хохряковым и Савосткой Самсоновым. С ними же вверх по реке пошло 20 ясачных татар, которые одновременно были «вожами», поскольку знали, где киргизы стоят «со своим кочевьем» ¹³⁰. Таким образом, Красноярский острог должен был выставить до 330 ратников, что было на пределе его мобилизационных возможностей. Как писали тобольские и томские служилые люди в своей челобитной, они дожидались Коловского и Кольцова в Ачинске две недели (на самом деле — немного меньше) 131. После соединения томского и красноярского отрядов И.С. Кобыльский выступил на юг.

Если довериться данным отписок томских воевод и А.П. Баскакова, то с учетом томских иноземцев общее количество задействованных против киргизов и их союзников сил должно было достигать порядка 1080 чел. Однако хорошо сохранившиеся послужные списки походов дают несколько иную картину.

Прежде чем перейти к рассмотрению состава отрядов, участвовавших в боях

www.milhist.info	

с киргизами, и описанию боевых действий, необходимо кратко характеризовать послужные списки, которыми мы пользовались. Это нужно, главным образом, для объяснения нашей реконструкции структуры и размера войска, разгромившего киргизов в 1642 г.

Послужные списки «полка» И.С. Кобыльского содержатся в упомянутом столбце № 84 Сибирского приказа. Они представляют собой написанные разными почерками перечни служилых. Первым идет список сотенных голов (Л. 690, 691). Затем следуют послужные списки: тобольских, томских и тюменских детей боярских (Л. 692); «сотни» только томских (Л. 693-698); «сотни» томских и кузнецких служилых (Л. 699-702); служилых «литовской» роты («сотни») Тобольска (Л. 703-708). На Л. 709 находится перечень служилых, относящихся к списку «сотни» томичей и кузнечан, поскольку лист написан тем же почерком, что и листы 699–702, а внизу его находится заголовок: «Кузнецково острогу служилые люди». Видимо, при формировании столбца в Москве или позднее при его «расклейке» листы были перепутаны. Затем послужные списки похода «разрывает» «роспись тарского города раитарской роты, кому даны збруи: латы и шишаки, и шпаги, и пищали съезжие», т.е. документ периода киргизской службы Якова Тухачевского (Л. 710-713). Эта интересная роспись повреждена, ее конец утрачен. Далее возобновляются перечни служилых людей разных отрядов, а именно: «сотни» тобольских конных казаков (Л. 714-719); двух «сотен» тюменских служилых (Л. 720-730); «сотни» Тарского города (Л. 731-374); отряда, в котором были объединены красноярские казаки и оставшиеся в строю тобольские татары (Л. 735-741) и, наконец, «сотни» чатских мурз и томских юртовских татар (Л. 742-745).

Указанные списки составлялись в Ачинском остроге сразу по возвращении из похода и скреплялись подписями сотенных голов, а также самого воеводы.

Послужные списки большей части красноярских служилых людей находятся

www.milhist.info	

в составе другой единицы хранения — столбца № 241 Сибирского приказа (были поданы Красноярскому воеводе 20 августа 1642 г.). Они предваряются описанием заслуг голов этого отряда, атамана М.И. Кольцова и ротмистра С.В. Коловского (Л. 73). Затем следует послужной список красноярских казаков, которые шли «в сход» И.С. Кобыльскому (Л. 74-77). Причем из него можно узнать, что там была группа верстанных в пешую службу людей, но которые бились на конях (красноярский гарнизон состоял из пеших и конных казаков). Далее помещен послужной список людей, отправленных вверх по Енисею (Л. 78-84). Потом следует послужной список красноярских «подгородних» татар, скрепленный подписью владевшего грамотой атамана Милослава Кольцова (Л. 85-87). Кроме рукоприкладств командиров отрядов на списках есть скрепа красноярского воеводы.

Послужные списки составлялись для награждения ратников (процедура которого будет рассмотрена ниже), поэтому в них перечислялись заслуги каждого выжившего участника боев. Также списки служили справочным материалом для подтверждения заслуг при подаче самых разных челобитных (например, о повышении в чине, увеличении жалованья, переводе в другой город, верстании в службу сыновей и т.д.).

В послужные списки столбца № 84 записывали сведения об убитых и раненых неприятельских «мужиках», убитых и раненых неприятельских конях или при отсутствии особых заслуг только о «явственном бое» (факте участия в сражении). В них же указывалось, кто был ранен среди воинов отряда И.С. Кобыльского, у кого был убит или ранен конь, кто находился в ачинском гарнизоне или в обозе. В составленных аналогичным образом красноярских списках столбца № 241 не указывалось, кто ранил неприятельского «мужика» или неприятельского коня.

Послужные списки не учитывали безвозвратные потери русской стороны. Однако в случаях, когда таковые невелики (как и в нашем), данные этих

www.mi		

документов можно с уверенностью использовать для оценки минимального количества участников похода.

По данным послужных списков, отряд И.С. Кобыльского без учета сил атамана М.И. Кольцова и ротмистра С.В. Коловского состоял из «ертаула» (передового ударного и разведывательного отряда из наиболее опытных воинов) и девяти «сотен» (неполных). «Сотней» томских казаков командовал сын И.С. Кобыльского Иван Иванович Кобыльский (это характерный пример того, как в старину дети учились при отцах на практике). Во главе остальных сотен стояли дети боярские. В каждой «сотне» были ясаулы и знаменщики (следовательно, у каждой было знамя, и, возможно, у всего отряда имелся большой полковой стяг).

Состав войска И.С. Кобыльского показан в таблице. Любопытно, что общее количество присутствовавших на поле боя ратников почти достигло 870 чел., как и было предписано наказом Я.О. Тухачевскому¹³². В числе красноярских татар, указанном в таблице, учтен один погибший, о котором сообщил воевода А.П. Баскаков. В состав ертаула мы включили группу детей боярских, не отнесенных ни к одной «сотне», и сражавшегося в рядах русских людей «вожа» (проводника) ачинского татарина Чахрака Кошила. Сотенные головы учтены в составе своих «сотен».

Послужные списки отражают важные особенности формирования войска. В нем имелось некоторое количество детей, сражавшихся «в места» отцов (в «сотне» И.И. Кобыльского — 3, в тобольской «сотне» Мишковского — 4). Некоторые служилые нанимали в свои места людей для участия в походе (среди томичей был 1 «наемщик», а в сотне Мишковского не менее 5). Пятеро тобольских татар наняли в свои «места» «наезников» из сибирских иноземцев. Как уже говорилось, тобольские татары показали себя на дальней службе не лучшим образом. На поле боя в 1642 г. присутствовало только 10 чел. из них, включая мурзу Етыгера Тамай-Мурзина.

www.mi	

В Ачинском остроге оставили небольшой гарнизон во главе с сыном боярским Кондратием Бовыкиным (всего - 17 чел.).

При войске И.С. Кобыльского находился обоз, которым заведовал сын боярский Михаил Волжин и который во время боя охраняли татары.

Состав «полка» И.С. Кобыльского

No॒	Отряд	Численность	Оставлено в	Итого
отрядов		отряда в бою	Ачинском	
			острожке	
1	Ертаул	16	-	16
2	«Сотня» Ивана Ивановича	83	1	84
	Кобыльского (томские служилые			
	люди)			
3	«Сотня» Степана Неверова	83	5	88
	(томские и кузнецкие служилые			
	люди)			
4	Рота («сотня») ротмистра Якуба	90	2	92
	Карвацкого (тобольская «литва»)			
5	«Сотня» Яна Мишковского	75	1	76
	(тобольские конные казаки)			
6	«Сотня» Максима Молчанова	85	2	87
	(тюменские служилые люди)			
7	«Сотня» Владимира Кляпикова	85	2	87
	(тюменские служилые люди)			
8	«Сотня» Яна (Ивана) Ржитцкого	72	2	74
	(тарские служилые люди) ¹³³			

www.	mil	hic	t in	ha
VV VV VV		1113		U

9	«Сотня» Юрия Воеводского	65	1	66
	(красноярская пятидесятня			
	Чурилки Львова и тобольские			
	татары)			
10	«Сотня» Яна Глинского (чатские	88	-	88
	мурзы и томские татары)			
11	Красноярские служилые люди с	58	-	58
	ротмистром Степаном			
	Коловским			
12	Красноярские «подгородние»	68	-	68
	татары с атаманом Милославом			
	Кольцовым и князцом Абытаем			
	Тюлькиным			
	Дети боярские в обозе и в	1	1	2
	Ачинском острожке			
	Итого	869	17	886

Послужной список отряда пятидесятников Севастьяна Самсонова и Никиты Хохрякова содержит имена 106 казаков. К сожалению, имен татар, которые с ним были в «вожах», в списке нет. Таким образом, всего в Киргизах действовало, как минимум, 975 русских и татар. С учетом гарнизона Ачинского острога — 992 чел.

Небольшие разночтения послужных списков с данными отписок можно объяснить тем, что в списки не были включены убитые, дезертиры, заболевшие во время похода и не сумевшие выставить «наемщика», а также те, кто не принял участия в боях (например, отряд, не встретивший неприятеля). Видимо, списки составлялись «явочным» порядком и в них могли не попасть люди, которые не «били челом» о своем участии головам. В таких случаях ратникам приходилось

www.mil	<u>hist.in</u>	<u>fo</u>	

подтверждать свои заслуги в Сибирском приказе на основании «сказок» (устных объяснений) сослуживцев.

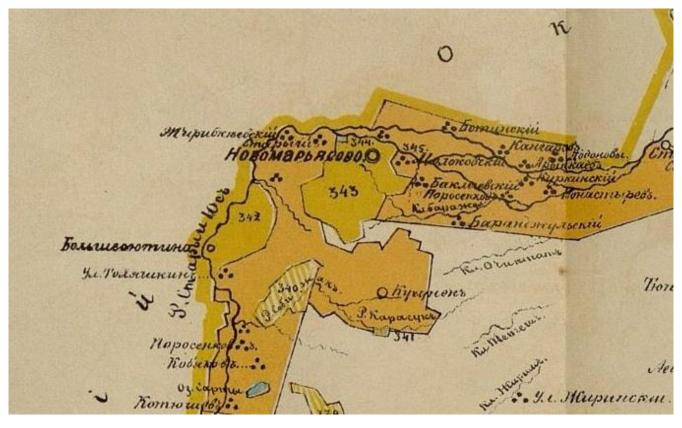
Вполне возможно, что в отписках томские и красноярские воеводы назвали планируемую численность отрядов, которая несколько отличалась от реальной.

«Полк» И.С. Кобыльского выступил из Ачинского острога 6 августа 1642 г. в южном направлении и на третьи сутки похода встретил противника. Как сообщал в Москву Иван Семенович, «августа... в 9 день перешод реку Белои Июс верст с шесть и, не допустя до Абакану реки до улусов за три дни, пришел... навстречу киргиской князец Ишей» (напомним, что Белым Июсом в то время считался Чулым от низовий до устья Урюпа)¹³⁴. Красноярские служилые люди сообщали в своих челобитных, что столкновение произошло «за Белым Июсом на речке на Туачаке»¹³⁵. Служилые Тобольского разряда вспоминали, что бой начался, «как мы на четвертой день перешли за Июс реку и пришли на Золотую речку»¹³⁶. О месте боя есть свидетельство и более поздних документов. В феврале 1644 г. красноярский казак Якушка Зырян и князец Абытай Тюлькин после поездки в Киргизскую землю передали красноярскому воеводе слова киргизских князцов о том, что они в 1642 г. «смирились на Тоочаке, край своей земли»¹³⁷.

К сожалению, весьма проблематично соотнести показания старинных документов с современной топонимикой. Тем не менее существует одна «зацепка». В топонимическом словаре Хакасско-Минусинского края, составленном В.Я. Бутанаевым, упоминается такой водный объект как Тоочах чул или Тоджах чул (автор словаря перевел это название как «Боярышниковый ручей»), что располагался по р. Борожуль (Баражуль) в Орджоникидзевском районе респ. Хакасии¹³⁸. Речка Борожуль (возле которой был одноименный хакасский аал) находилась вблизи русла Чулыма на территории упомянутого района республики. На карте Минусинского округа Енисейской губернии 1893 г. «ключ» Баражуль, около одной из проток Чулыма, нанесен юго-восточнее деревни Новомарьясово

**************************************	lbio		
www.mi	me		
** ** ** ** ***		CILLE	u

(возможно, в прежние времена часть русла реки Танги носило название Баражуль).

«Ключ» Баражуль (и одноименный хакасский аал), юго-восточнее дер. Новомарьясово (на карте Минусинского округа Енисейской губернии 1893 г.)

Если принять версию о том, что «речка» Туачак (Тоочак) находилась около р. Баражуль, то столкновение киргизов с русскими отрядами могло произойти в местности, тянущейся вдоль русла Танги от района дер. Горюново до склонов холмов («гор») юго-западнее деревни Монастырево. Мы не ручаемся за точность такой реконструкции, но она соответствует логике движения «полка» И.С. Кобыльского, который следовал из Ачинска (как уже было сказано, это район совр. д. Дорохово), вероятно, огибая Солгонский кряж с запада, в сторону откочевавших к Абакану (как в 1641 г.) киргизских улусов. Войско киргизов, тубинцев, союзных и подчиненных им народностей двинулось навстречу русскому из верховьев Уйбата.

Данных о численности сил Ишея в документах не имеется (в них лишь подчеркивается, что князец пришел «со многими людьми»). Однако они дают

www.milhist.info

довольно длинный перечень племенных групп, которые явились на поле боя. Помимо алтысарцев там были тубинцы, моторцы, алтырцы, керетцы (керейцы), саянцы, сагайцы, чоинцы, кизилцы, качинцы, аринцы, а также ясачные люди Ячинской волости, Кийских и Чулымских волостей. Видимо, киргизы собрали всех своих союзников, соседей (саянцев) и киштымов, включая двоеданцев и перебежчиков из числа красноярских «подгородних» татар. Кроме этого, в войске Ишея были «прибылые люди черные калмаки» (джунгары) и «мугалцы» (люди алтын-хана)¹³⁹. Видимо, киргизам удалось получить от джунгар некоторую помощь, о которой просили еще в 1641 г. Думается, что Киргизская земля в бою 9 августа 1642 г. выставила максимально возможное для себя войско, подкрепленное союзными отрядами. Этим можно объяснить решимость Ишея встретиться с большим русским отрядом на границе своих владений.

Согласно отписке И.С. Кобыльского, бой начался «в третьем часу дни», т.е. спустя более двух часов со времени восхода солнца (9-го или по Григорианскому календарю 19 августа солнце встает примерно в половине шестого утра, и, следовательно, бой должен был начаться около восьми часов утра). Когда иноземцы «из гор» «со все четыре стороны на нево, Ивана, ударили», И.С. Кобыльский «исправя войско» бился с ними до вечера. Как сообщал в Москву воевода, «и многие у них напуски жестокие были, и... нажидаючи на наряд и на пешие люди, в их напусках многих у них людей побили и переранили и лошадей под ними многих побили и переранили ж и лутчево князца Табуна у них ранили в двух местех, а жив ли... тот князец или нет, тово не ведомо» 140. Подчеркнем, что часть русских ратников сражалась в пешем строю, ведя огонь по атакующим киргизам.

Тобольские служилые позднее вспоминали, что воевода приказал им ударить на киргизов «табор укрепя и сотни исправив» ¹⁴¹. По данным послужных списков, в боях приняли участие и люди, оставленные в обозе с Михаилом Волжиным. Так,

**************************************	lbio		
www.mi	me		
** ** ** ** ***		CILLE	u

двое татарских «наемщиков» выходили из коша и бились в пешем строю (несмотря на то, что они были записаны «наезниками»)¹⁴².

Любопытно, что И.С. Кобыльский упоминает бывший при нем «наряд», т.е. артиллерию. К сожалению, в послужных списках нет упоминания пушкарей и применения пушек. Что, впрочем, не отменяет возможности наличия артиллерии у воеводы. Согласно росписи Ачинского острога, в нем находились одна затинная медная пищаль, которую Я.О. Тухачевский взял из Мелесского острога «для обереганья от киргиских людей», и «две пушечки деревянные» (не исключено, что были изготовлены под руководством Я.О. Тухачевского). Из «пушечных запасов» в остроге было 3 пуда пушечного пороха, 20 ядер и 10 пуль для затинной пищали 143. И.С. Кобыльский мог взять в поход эти мелкокалиберные стволы.

О действиях отряда М.И. Кольцова и С.В. Коловского в документах сохранились ценнейшие подробности. Красноярские казаки и аринские татары в своей челобитной сообщали, что неприятели «ударилися» на них, а после столкновения («стравки») «те ж изменники, кыргыские и тубинские и моторские многие люди взошли на гору, на камень» и «почали» оттуда «ис пищалей бити» по русским служилым и татарам. Бой завершился тем, что красноярцы киргиз вместе с их союзниками «с горы, с камени, збили» 144. А.П. Баскаков писал в Москву, что «тотаром, киргиской бой за обычей, и слетчи с коней красноярские служилые люди, а аринские тотаровья с копьи на конях, киргиских людей полки з горы збили и гору очистили» 145.

Если взглянуть на карту, то юго-западнее Танги можно увидеть горную «цепь», и, быть может, именно с этих возвышенностей киргизы пытались атаковать русский «полк», реализуя свой тактический прием. На одной из окрестных гор мог укрепиться киргизский отряд, который был выбит оттуда красноярцами.

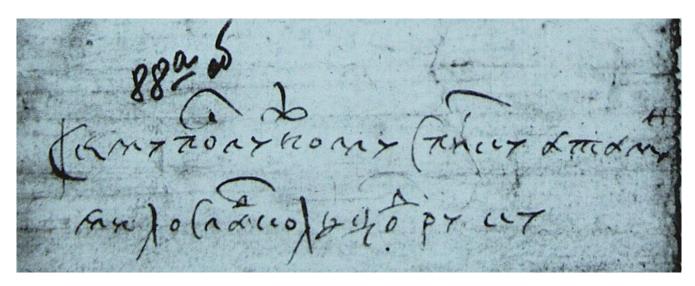

Вид с юга на долину реки Чулым в районе дер. Горюново Орджоникидзевского района респ. Хакасия. Предположительно, в этой местности произошел бой 9 (19) августа 1642 г.

Вид на горы, расположенные южнее дер. Горюново Орджоникидзевского района респ. Хакасия

Послужные списки отразили сведения о потерях киргизов. Служилые люди претендовали на то, что убили в бою, как минимум, 90 киргизских «мужиков» (20 из них приходятся на отряды Кольцова и Коловского), ранили 102 киргиза, убили 109 и ранили 57 неприятельских лошадей. Больше всех в бою отличился красноярский атаман Милослав Иванов сын Кольцов, который «алтырсково князца Кубана убил да другово улусново мужика убил, а ево, Милослава, ранили в левой бок противо серца» Вообще известия о гибели представителей киргизской родовой верхушки в единоборстве с русскими воинами очень редки.

Автограф атамана М.И. Кольцова (рукоприкладство на обороте одного из листов послужного списка красноярских татар 1642 г.). «К сему послужному списку атаман Милослав Кольцов руку», далее должно следовать: «приложил».

(РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 88а об.)

Данные о потерях «полка» И.С. Кобыльского крайне скудны. Об убитых людях Тобольского разряда, Томска и Кузнецка ничего не известно. Служилые Тобольского разряда лишь сообщали в своей челобитной, что «на том... бою у нас... убитые были и многие з бою съехали ранены и коней у нас... переранили много» 147. Красноярский воевода в своей отписке упомянул ранение атамана М.И. Кольцова, а также то, что в бою «ясашных тотар ранили копьи четы[рех] человек, да тотарина

www.milhist.info

убили до [смерти], и под служилыми людьми... [и та]тары коней переранили многих»¹⁴⁸. Согласно послужным спискам, ранения получили 19 чел., 15 коней было потеряно и 21 конь ранен. Думается, что урон русского войска в бою был невелик. Количество раненных не было смысла утаивать, поскольку раны учитывались при награждении. Вероятно, многоопытный командир И.С. Кобыльский умело управлял «полком» в бою, что привело к минимизации потерь.

В послужных списках и иных документах иногда указывался характер ранений. Так, голова Степан Неверов вспоминал, что на нем «пробили из луков збрую в двух местех»¹⁴⁹. Томский казак Ивашка Верхотурцов был ранен «копьем под пазуху», у него же киргизы отбили коня¹⁵⁰. Служилый из роты тобольской литвы Осташко Степанов Волошанин (прозвище намекает на этническое происхождение) был «в бою ранен в хребет против серца да в левую руку». Десятник той же роты Андрюшка Скиндер был «на бою ранен в левую руку»¹⁵¹. Казак Васька Пигалев получил копейную рану в ногу¹⁵². Тюменский десятник Тренька (Терентий) Гогарин был ранен «в хребет»¹⁵³. Тюменский же казак Семейка Баженов «з бою съехал, ранен в голову»¹⁵⁴. Казак того же города Микифорко Микаев «з бою съехал ранен в руку»¹⁵⁵. Тарские служилые люди Микифорко Миклушев (знаменщик), Тимошка Уселков и Гришка Яковлев Сорокотяжа были ранены в руки¹⁵⁶. Чатскому иноземцу Толмомету Искуленеву «пробили правую ногу из лука и коня под ним убили»¹⁵⁷. Проводник («вож») Чахрак Кошил получил ранение в «правое стегно»¹⁵⁸.

О том, что в 1641 и 1642 гг. ратным людям пришлось выдержать серьезные боевые столкновения, свидетельствует дело, возникшее летом 1645 г. в связи с требованием забрать в казну у тобольских служилых копья и прапоры, которые выдавались для службы с Я.О. Тухачевским. Те, кто не сохранил имущество, должны были уплатить за него в казну компенсацию. Тобольские «литва и черкасы и конные казаки» сумели добиться отмены этого указа. В челобитной на имя царя

они рассказывали, что, будучи под началом Я.О. Тухачевского, против киргизов «пошли на удар и бились с ними накрепко, не щадя голов своих, и... копья многие переломали, а иные у нас, у раненых и убитых, поотбивали, потому что люди они большие и нам были не в силу... и у нас от того первого походу и от бою твоих государевых копей с прапоры осталось не у многих людей». На следующий год они вместе с И.С. Кобыльским с киргизами «бились... накрепко жестоким боем и... последние копья с прапоры, у которых от первого бою остались, в том в другом походе приломали, а у иных у многих поотбивали и у нас тех... копей и с прапоры ни у ково не осталося» 159.

После боя 9 августа, «в последнем часу дни» (перед заходом солнца) Ишей и другие киргизские князцы, «видя над собою победу и свое изнеможенье», попытались вступить в переговоры с И.С. Кобыльским. Они просили, чтобы «государь их пожаловал, велел бы их принять под свою... руку». Тогда воевода послал к киргизам объявить условия сдачи предводителей служивших русским иноземцев, татарского мурзу Етыгера, а также чатских мурз Бурлака Аккулина и Итегменя Тарлавова. Воевода потребовал, чтобы киргизы дали государю «крепкую» шерть («быть под государскою... рукою навек неподвижными»); выдали аманатов; уплачивали ясак «по вся годы»; отпустили из Киргизской земли государевых ясачных «по своим урочищам»; прекратили «побивать» государевых людей; не приходили «под государевы городы и остроги войною» и впредь не угоняли ясачных людей в свои владения¹⁶⁰. Известно, что в переговорах с киргизами от Красноярского острога участвовали аринский князец Абытай Тюлькин «с товарищи». После киргизской шерти красноярский воевода, подчеркивая заслуги аринцев, писал в Москву, что киргизы согласились на условия русских, так как у «аринских татар, в киргизах дядья и братья и племянники и то им, киргизам, росказали, что... государь пожаловал и вины им, аринским татарам, отдал>¹⁶¹.

Отвлекаясь от событий на р. Туачаке, отметим важную роль в кампании 1642 г. действий отряда казаков, посланных на стругах вверх по Енисею. Служилые люди «на Енисее реке, на Сыдинских перевозах» (где «пониж Сыды реки перевозятца за Енисей») встретили «кашинских и бохтинских и моторских людей» («буклинцев и моторцев»), которые шли на соединение к киргизам. Иноземцы были разбиты и, таким образом, войско Ишея лишилось подкрепления 162. Согласно послужному списку, казаки отряда Хохрякова и Самсонова убили 16 «мужиков», взяли в плен троих, а также убили 5 неприятельских коней 163. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что, иноземцы сражались в конном строю.

Решающим стал день 10 августа 1642 г., в ходе которого велись русскокиргизские переговоры («многие съезды с киргискими людьми были и многие речи с ними говорили»). Поначалу Ишей Номчин пытался затянуть кампанию, «прошал сроку на две недели, чтоб ему подумать со всеми землями», «чаючи к себе помочи от мугал и от черных калмаков». И.С. Кобыльский легко разгадал умысел князца и велел «Ишею съехатися с собою один на один, а ратным людем велел выйти ис табору и устроить полк и сотням велел стоять в справе и готовым быти на бой». Ишей также устроил «свои полки» и послал русскому воеводе весть, чтобы встретиться с ним и «договор учинить». На съезде И.С. Кобыльский в категоричной форме потребовал от Ишея немедленной шерти и выдачи аманатов, а также «отказал» князцу в двухнедельном сроке, который тот просил («не дал ему сроку ни на единой час и велел головам и сотням идти на бой»). Тогда князец, видя «государскую грозу, а свое изнеможенье», вынужден был принять условия Ивана Семеновича.

Процедура принятия присяги состояла в том, что «киргиские князцы и все улусные люди» шертовали «по своей вере самою крепкою шертью, пили золото». «Питье золота» было древним обычаем тюркоязычных народов Сибири (киргизов, телеутов и др.) и монголов, согласно которому приносивший клятву владетель

(например, князец или тайша) выпивал чарку «хлебного вина» или «меда», в которую насыпали золотой порошок 164 .

С киргизской стороны царю присягали алтысарские князцы Ишей, его сын Айкан, родной брат Ишея Кенчибей, родной брат князца Кары Сенчей, князцы Сенчикей и Ичиней Мерген; алтысарские «лучшие улусные люди» Чюна и Коидей; алтырские князцы Далай (Талай), Бума и Кулугуч; тубинский князец Коян. На наш взгляд, весьма болезненным условием для киргизов была выдача аманатов из числа «лучших» князцов. Среди них были алтысарцы: родной брат Ишея Кошу Номчин сын, князец Ичинеева улуса Боянты Кончеев сын; алтырец Кинигей Тынсигиров и «Тубинский земли князца Кояна брат... родной князец Баджирбай Набыдаев». Знатные заложники были отправлены И.С. Кобыльским в Томск, а остальным киргизам воевода приказал «кочевать по старым своим кочевьям, где преже сего кочевали»¹⁶⁵.

Судя по позднейшим свидетельствам, при И.С. Кобыльском не имелось шертовальной записи, по которой присягают иноземцы¹⁶⁶. Возможно, это было связано с тем, что результат похода был трудно предсказуем.

После шерти киргизы хотели послать к царю в Москву челобитчиков и воевода отвел им на снаряжение посольства две недели. Также 11 августа 1642 г. киргизские князцы попросили И.С. Кобыльского оставить с ними служилого «для того, чтоб им, челобитчикам, с тем служилым человеком ехать до Ачинского острогу и до Томского». Удовлетворяя просьбу, И.С. Кобыльский оставил при иноземцах их старого знакомого Ивашку Грызова. 1 сентября 1642 г. Грызов привел в Ачинский острог киргизских послов во главе с князцом Таитыкаем 167.

После киргизской шерти на Туачаке красноярцы били челом И.С. Кобыльскому, чтобы тот распорядился «взять с тубинцов, и с моторцов, и с кашинцов аманатов на Красной яр». Воевода не пошел навстречу, несмотря на то что тубинские князцы Коян и Илик склонялись к выдаче аманатов на Красный яр,

так как тубинцы, моторцы и кашинцы еще во времена первого красноярского воеводы А.Ф. Акинфова платили ясак в Красноярск¹⁶⁸. Также красноярцы просили И.С. Кобыльского потребовать от киргизов и тубинцев отпустить на «свои кочевья» остававшихся у них аринцев, качинцев, канских и котовских людей. Вероятно, эту просьбу И.С. Кобыльский исполнил, хотя до 20 августа 1642 г. ясачные еще не вернулись в Красноярский уезд¹⁶⁹.

О том, как первоначально был решен вопрос с ясаком, можно узнать из позднего документа (1663 г.), содержащего выдержку из «роспросных» речей в Сибирском приказе «кргиских тотаровей» Начикайки (возможно, это уже упомянутый здесь Начикай) и его сына Тубачка. Иноземцы засвидетельствовали официальное установление И.С. Кобыльским системы «двоеданства», когда киргизским киштымам следовало платить царю «полный» ясак «по десяти соболей с человека», а «киргиским князцом трем человеком Ишею... да Кочебаю... да Сенче Кашкину с тех же киштымов после... ясаку имать по пятнатцати соболей с человека на год или вместо соболей по три бобра». Общее количество киштымов, способных уплачивать ясак, оценивалось «по смете шесть сот человек» 170. Поскольку перечисленные князцы были алтысарцами, речь, вероятно, шла о киштымах их улуса.

После шертования киргизов И.С. Кобыльский направился в Ачинскую волость. Поскольку царским наказом ему предписывалось «острог поставить в крепком и угожем месте», будучи в Ачинске, воевода опросил томских, красноярских служилых и ясачных людей о том, «мошно ли в Кизылской волости... острогу быть или где в ыных местех»? Те отвечали, что Кизылская волость «место худое и пустое», однако недавно поставленный Ачинский острог расположен «к Киргизской земле ближе» других русских поселений, а острог «на усть Абакану строить негде, потому что к Абакану прилегли земли многие: тубинцы, и моторцы, и алтырцы, и саянцы, и чоинцы, и мунгаты, и мугалы». Затем,

19 августа 1642 г., служилые принесли челобитную И.С. Кобыльскому об отпуске со службы и с просьбой «для их бедности, и нужи, и голоду в Кизылскую волость и в иные места не ездить и острог не ставить». Поэтому воевода ограничился тем, что «где был яковлев зимовой острожек, поставил новой острог и укрепил всеми крепостьми», о чем сообщил в Москву¹⁷¹.

После получения отписки, 6 декабря 1642 г. в Сибирском приказе Б.М. Лыков опрашивал томских детей боярских Петра Сабанского и Степана Неверова, красноярцев атамана Емельяна Тюменцова и рядовых Якуша Торгошу, Ивашку Ферапонтова, Климку Семенова, а также енисейцев атамана Ивана Галкина и десятника Ваську Бугра о строительстве острога у устья Абакана. Эти весьма авторитетные люди заявили о неосуществимости такого замысла не только в силу военной угрозы, но и из-за трудностей снабжения хлебом, поскольку даже Красноярск снабжался продовольствием через Енисейск с перебоями¹⁷². Поэтому в грамоте, составленной в Москве 15 декабря 1642 г., правительство ограничилось сделать томским воеводам очередной опрос служилых распоряжением предполагаемого острога¹⁷³. Отметим, относительно места строительства острога посреди Киргизской земли регулярно поступали в Москву от воевод и служилых людей. К примеру, в 1636 г. красноярский воевода Ф.М. Мякинин предлагал построить острог у устья Тубы¹⁷⁴. Или в конце 1639 г. в Сибирском приказе сопровождавший монгольского посла сын боярский Василий Старков сулил большую «прибыль» от строительства острога на Абакане в местности, где проживает более 500 киргизских киштымов¹⁷⁵.

До 28 августа 1642 г. И.С. Кобыльский отпустил со службы свой «полк», а сам остался на какое-то время в Ачинске с небольшим гарнизоном (40 чел.)¹⁷⁶.

Служилые люди Тобольского разряда в своих челобитных жаловались на падеж лошадей, из-за чего многие пришли в Томск пешком. Они писали царю, что «у которых... кляченка приволоклись, и мы те свои последние кляченка за бесценок

www.mi		

метали по рублю и по полутора, которые у нас были для службы покупаны по десяти рублев и больше». После прибытия в Томск им раздали присланное из Тобольска хлебное жалованье «по три пуда муки да по четверти пуда круп и толокна на человека». В прибавку к нему служилым пришлось приобретать хлеб, ценой «четверть по девяти рублев». Из Томска в Тобольск ратники, по собственному выражению, «волоклись» на судах¹⁷⁷.

Осенью и зимой 1642 г. решались разные «делопроизводственные» вопросы, связанные с итогами похода. Спустя несколько дней после киргизской шерти в Томск приехал Иван Иванович Кобыльский, который следовал в Москву с сеунчем (вестью о победе) и вез послужные списки. Кобыльский-младший представил С.В. Клубкову-Мосальскому документы «за рукой» своего отца (т.е. заверенные И.С. Кобыльским) и спустя день был отпущен из Томска в столицу. Вместе с ним 29 августа 1642 г. для сопровождения документов выехал сын боярский Степан Неверов. Также И.С. Кобыльский прислал в Томск чертеж Ачинского острога, построенного Я.О. Тухачевским, на котором было указано, что «около» острога 1641 г. в 1642 г. было возведено новое укрепление (чертежа острога 1642 г. в Томск прислано не было).

Несколько позднее в Томск с сыном боярским Юрием Воеводским прибыли киргизские челобитчики, которые уехали 23 сентября 1642 г. в столицу¹⁷⁸. В киргизскую «делегацию» входили алтысарский князец Таитыкай, алтырский князец Кунку, улусный человек Абжей и «кашевар» (повар-слуга) Кузукпай. Прибыли они в столицу невероятно быстро, 31 декабря 1642 г. В Москве им было дано «корму» по 8 денег «на день» князцам и улусному человеку и 5 денег кашевару¹⁷⁹. К сожалению, об обстоятельствах этой миссии пока только известно, что Таитыкай умер в столице¹⁸⁰. Киргизов сопровождали сын боярский Роман Старков, конные казаки Афонька Сартаков и Якушка Булгаков, а также пеший казак Ивашка Савельев, которые были награждены деньгами и сукнами за свой

приезд¹⁸¹. Известно, что Таитыкай ехал просить царя от имени всех киргизов, чтобы тот «их пожаловал, и ясаку с них имати не велел, а они де готовы... государю служить» (киргизы считали, что ясачными людьми могут быть только их киштымы). Также послы хотели просить царя о праве прикочевывать к Томску, Красноярску и Кузнецку в случае опасности и при необходимости о военной помощи со стороны русских¹⁸².

Действия И.С. Кобыльского, который отправил «сеунч», отписки, послужные списки, а также киргизских послов «мимо» С.В. Клубкова-Мосальского, вызвали его недовольство. И поэтому князь просил царя дать указ «о бесчестье» по той формальной причине, что царскими грамотами было приказано обоим воеводам «о киргиской службе писать... ко государю всем вместе» 183.

4 декабря 1642 г. послужные списки и иные сопутствующие документы были привезены в Москву¹⁸⁴. По приезде в столицу И.И. Кобыльский просил пожаловать его за сеунч¹⁸⁵.

Стоит обратить внимание на оценку боя «полка» И.С. Кобыльского с киргизами Я.О. Тухачевским, который узнал о результате похода своего сменщика из его отписки, привезенной в Тару 1 октября 1642 г. 186 Я.О. Тухачевский, подчеркивая свои заслуги, писал в Москву, что киргизы еще до похода И.С. Кобыльского хотели дать шерть в Ачинском остроге. По его словам, иноземцы собирались следовать до 6 августа к Ачинску, чтобы присягнуть, но пришедший до того срока И.С. Кобыльский лишил своего предшественника победы. Как писал Я.О. Тухачевский, И.С. Кобыльский повстречал киргизов «в четвертой день, вышедчи из Ачинского острогу», и те дали шерть, после чего Иван Семенович будто бы писал «ложно» о жестоком бое с иноземцами. По мнению Я.О. Тухачевского, находившегося в Таре, киргизы только «с передовыми людьми с яртаулом постреляли, поколе договор учинился, а киргисы и тубинцы и моторцы не побиты». Тарский воевода даже обвинил сменщика в том, что тот, имея большое

w.mi		

войско, не объединился с присягнувшими царю киргизами и не «повоевал» Точинскую, Саянскую и Братскую земли¹⁸⁷.

В отписке чувствуется глубокая обида предводителя похода 1641 г., а также опасения не быть пожалованным за службу (позднее выяснилось, что напрасные). Следует отметить, что урон убитыми, нанесенный киргизам И.С. Кобыльским в однодневном бою, превышает результат отряда Я.О. Тухачевского за четыре дня боев.

В соответствии с результатами киргизской службы правительство наградило ее участников.

Заслуги Я.О. Тухачевского и И.С. Кобыльского были оценены примерно одинаково. Яков Остафьевич получил в придачу к 900 четям поместной земли еще 100, к окладу в 60 руб. — еще 40 руб. Также ему выдали «в приказ» с казенного двора «кубок сребрен весом 2 гривенки», «отлас золотной, ценою» в 30 руб. и 40 соболей в 60 руб. И.С. Кобыльский получил к 750 четям своей земли еще 150, к 30 руб. оклада — 40 руб.; «кубок сребрен» в 2 гривенки с Казенного двора; «отлас золотной» в 30 руб. и 40 соболей по общей цене в 50 руб. 188 Очевидно, правительство осталось довольно службой обоих воевод.

Служилые люди Тобольска, Тюмени и Тары подали общую челобитную о награждении, и поэтому она рассматривались в рамках одного дела, которое полностью сохранилось. В ходе подготовки дела подьячие Сибирского приказа на основании послужных списков посчитали, сколько служилых людей убили и ранили вражеских воинов, убили и ранили вражеских коней, сами получили ран, потеряли своих коней, «бились явственно». Отдельно учитывались люди, оставленные в острожке и в обозе.

Для определения размеров вознаграждения были собраны «примеры» из подобных дел прошлого времени. Наиболее ранний пример относился к походу на киргизов томских служилых людей 123 (1614/15) г. По его итогам царь указал

				•
3A/3A/3A/	mı	hic	t ın	to

выдать 4 руб. стрелецкому сотнику; семерым казакам, убившим по киргизу, дали по «полу 2 рубли» (т.е., 1,5 руб. человеку), 20 служилым за явственный бой (сам факт участия в бою) «по рублю человеку». Восьми женам побитых казаков дали «на поминок» по рублю.

Томским служилым за разгром в 1631 г. мятежного чатского мурзы Тарлава и его союзников близ «Чингисова городка» полагались следующие награды: детям боярским «за убитого и взятого мужика» повысили ежегодный оклад на рубль; казакам послали из Москвы деньги «в приказ» (для разового вознаграждения) за убитых, пленных мужиков и за собственные раны по 1 руб.; за явственный бой, раны, нанесенные врагам и их коням «по полтине человеку».

За поход 1634 г. против киргизов под началом А.З. Просовецкого томским «детям боярским и служилым людям и татаром» выдавали за убитых, пленных «мужиков» и свои раны по 1 руб., за «явственный бой», ранения, нанесенные иноземцам и их коням по 0,5 руб.

Служилые люди Тобольского разряда награждались более щедро. В 141 (1632/33) г. за походы 136 (1627/28), 138 (1629/30), 140 (1631/32) гг. против калмыков и изменивших татар Тарского уезда тобольским и тюменским головам придали по 2 руб. к денежным окладам и выплатили «в приказ» по 3, 4 и 5 руб. (в зависимости от личного вклада). Кроме этого, с «казенного двора» им было дано «по сукну по аглинскому по доброму». Детям боярским прибавили к ежегодному жалованью по 1 руб. «за убитых и за взятых мужиков». Литве, конным казакам и юртовским татарам давали «в приказ» за убитых, пленных «мужиков» и за раны по 1 руб. За раны, нанесенные врагам, явственный бой и раненых коней врагов выдавали по 0,5 руб.

Приведенные образцы показывают, что в 1630-х гг. в приказной практике сложились нормы награждения за заслуги в бою. Наряду с этим в Сибирском приказе не сыскалось примера того, как следует награждать людей, находившихся

www		

во время похода в войсковом обозе и в острожке 189.

По итогам службы 1642 г. Москве решили дать людям Тобольского разряда жалованье «в приказ» «за убитых и за взятых, и за раны, которых служилых людей на бою ранили, по рублю», «за мужичьи и за лошединые раны» и за «явственный бой» — «по полтине человеку». Четырем челобитчикам, присутствовавшим при рассмотрении дела в Москве, выдали «с казенного двора по сукну доброму» 190.

Если человек имел несколько оснований для награждения (например, убил «мужика» и сам получил рану), то положенные ему суммы складывались.

Всего наградили 410 участников боя из числа русских людей и служилой литвы (в т.ч. 221 чел. только за «за явственный бой») на общую сумму 237,5 руб. Людям, находившимся в обозе и в острожке, было решено дать как за «явственный бой» — «по полтине человеку» (всего 11 чел. — 5,5 руб.). Итого 421 ратнику послали из Москвы 243 руб. Не забыли и горстку тобольских юртовских татар и их «наемщиков» (14 чел.), которые были награждены так же, как и русские люди. Единственной проблемой было награждение мурзы Етыгера, т.к. его служба не была прописана в послужном списке. Решение о награждении было принято к 18 июня 1643 г., а отпуски были составлены 28 июня того же года. В Тобольск 111,5 руб. повез челобитчик ясаул Ивашка Софронов. В Тюмень 97,5 руб. было направлено с челобитчиками ясаулом Тимошкой Черкашениным и пятидесятником Карпункой Мартемьяновым. 42,5 руб. повез в Тару десятник Васька Фирсов. Всего — 251,5 руб. с учетом сумм для татар 191.

По прибытии денег каждый воевода обязан был собрать служилых перед съезжей избой, раздать деньги и сказать ратникам государево «жалованное слово», чтобы «дети боярские, и служилые люди, и иноземцы, и служилые юртовские татарове на... жаловнаье были и вперед надежны, куда посыланы будут на... службу, потому ж... служили»¹⁹².

Награждение служилых людей Томского разряда происходило труднее. К

www.milhist.info	

сожалению, в отношении них нет «комплексного» дела о пожаловании, информация из сохранившихся источников носит фрагментарный характер. Известно, что некоторые томские и красноярские служилые получали жалованье «на Москве» в 151 (1642/43) и 152 (1643/44) гг. по «нормам» награждения людей Тобольского разряда за тот же поход¹⁹³. Награждения происходили и позднее. 26 июля 1646 г. из Москвы в Томск пришла грамота о пожаловании за участие в походе 1642 г. детей боярских Ивана Ржитцкого, Василия Литосова и казаков Васьки Седельникова «с товарищи», которым следовало выдать 24,5 руб. 194 Около 20 марта 1646 г. в Москве было рассмотрено дело, материалами которого предлагалось наградить 73 томских казака на общую сумму 43 руб. В итоге было принято решение о награждении 59 чел. (включая челобитчика), поскольку, судя по пометам в списке пожалованных, награждению не подлежали получившие деньги в 152 (1643/44) г. казаки, а также, возможно, выбывшие со службы люди. Причем о тех казаках, кому решили дать деньги «в приказ», говорилось, что им ранее «за киргискую службу жалованья не дано потому, что челобитья о той службе государю не было». Награду повезли в Томск челобитчики Митька Вяткин, Ивашка Кудров и Ивашка Матвеев 195. Грамота о пожаловании прибыла в Томск 8 августа 1646 г., после чего воевода О.И. Щербатой выдал 59 служилым 36,5 руб. 196

Отдельно награждались за «острожное ставленье» и участие в боях тобольские, тюменские, тарские, кузнецкие и красноярские служилые люди, которые были «отпущены» со службы из Ачинска воеводой И.С. Кобыльским. Они подали коллективную челобитную, которая была рассмотрена в конце августа 1644 г. Сперва предлагалось дать за постройку острога по 4 руб. человеку, подобно тому как наградили енисейцев за постройку Ленского (Якутского) острога 197. Однако потом решили дать по 2 руб. «в приказ» из местной казны за острог, а за «атаячков погром» наградить на общих основаниях, «за побитых... мужиков по рублю, а за мужичьи и за лошадиные раны, и за явственный бой по полтине человеку». Люди Томского разряда также награждались за разгром улуса Начикая. 26 августа 1644 г.

в Москве были составлены отпуски¹⁹⁸. Известно, что грамота пришла в Томск 15 сентября 1645 г., после чего томские воеводы выдали томским служилым по 2 руб. за «острожное ставленье» и отправили соответствующие распоряжения в Красноярск и Кузнецк¹⁹⁹. Вероятно, в Тобольском разряде грамоты о награждении были получены раньше.

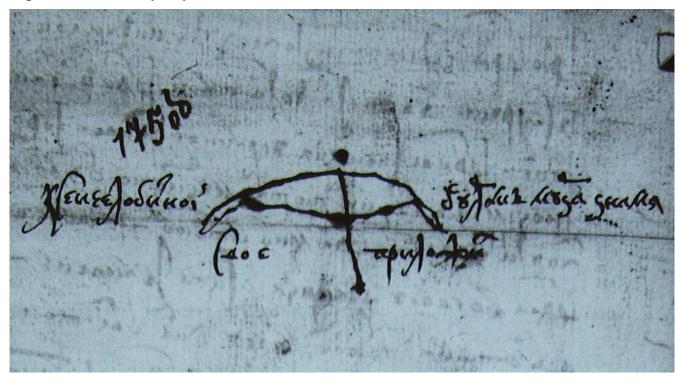
Иногда служилые люди подавали индивидуальные челобитные о награждении согласно послужным спискам. Как правило, они это делали, когда приезжали в Москву с воеводскими поручениями. Например, так поступил красноярский пеший казак Ивашка Сергеев сын Коновалов, которому за несколько служб (в т.ч. за поход 1642 г.) причиталось 5 руб. «в приказ»²⁰⁰. Аналогичным образом награждался пятидесятник Микита Осипов сын Хохряков²⁰¹.

В том, что красноярцы вовремя получили из местной казны наградные деньги, могут возникнуть сомнения, поскольку острог все первое столетие своего существования испытывал трудности в снабжении казной. Например, 11 февраля 1644 г. красноярский воевода А.П. Баскаков своей грамотой уведомил Томск в том, что красноярцы просили выдать жалованье на текущий год, но для удовлетворения этой просьбы на Красном яру не было средств. Тогда томские воеводы решили выдать деньги из енисейской казны, где «за остатком» скопилось 16 633 руб. (столь велик был объем таможенного сбора в те годы). Правда, на это действие пришлось запросить разрешения царя, который указал послать из енисейских доходов в Красноярск 1900 руб. 202 Живописуя свое бедственное положение, сами красноярцы сообщали в Москву: «...пригоняют... томские служилые люди в Красноярской острог для своей корысти кони и коровы и мы... видячи свою нужу и бедность, емлем у них кони и коровы в... государево денежное жалованье в отписи, в великую дорогую цену, а сами... мы... для своей нужи и бедности тот скот продаем в полцены, потому что... на 152й год и на 153й год мы... денежным жалованьем и хлебным не пожалованы»²⁰³.

К сожалению, нам пока не удалось установить, как пожаловали за поход 1642 г. кузнецких казаков, а также томских и красноярских татар. Во всяком случае, к

**************************************	-	
www.mi	I C	
** ** **	U	110

лету 1647 г. чаты еще не получили наград в соответствии со своим послужным списком и поэтому подали в Томске челобитную на имя недавно взошедшего на престол государя Алексея Михайловича об исправлении этого положения. Челобитная была отослана из города 28 июля 1647 г. и получена в столице 12 декабря 1648 г. Помета на обороте сопроводительной отписки «в столп» («в архив») дает основание думать, что просьба была оставлена без рассмотрения²⁰⁴. Такую же помету можно обнаружить на обороте отписки А.П. Баскакова, полученной в Москве 3 декабря 1642 г., которая предваряла челобитные о награждении и послужные списки красноярских казаков и «подгородних» татар (последние могли так и не получить наград)²⁰⁵. Положение красноярских татар усугублялось тем, что они, за исключением нескольких князцов, числились не верстанными в службу ясачными людьми.

«Знамя» чатского мурзы Бурлака Аккулина на обороте его челобитной от 15 июня 1649 г. «К сей челобитной Бурлак мурза знамя свое приложил»

(РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 371. Л. 175 об.)

Действия русских отрядов 1641 и 1642 гг. повлекли реакцию со стороны джунгарских тайшей и алтын-хана. Спустя некоторое время после похода

www.milhist.info

Я.О. Тухачевского, 30 декабря 1641 г. в Тобольск прибыл посланник брата Батурахунтайджи (джунгарского хана) Чокура, который привез от него два небольших письма²⁰⁶. Как выяснил Ш.Б. Чимитдоржиев, эти письма остались непрочитанными из-за отсутствия в России знатоков джунгарского языка. Только в ХХ в. Ш.Б. Чимитдоржиев прочел, что тайша, укоряя русских за подчинение киргизов, писал, «если желаете войну, то пусть она будет. Если ее не желаете, то выполните наш наказ. Не завоевываю я людей хонхоройцев. Пришло (ваше) тысячное войско и захватило сто двадцать душ (киргизов)»²⁰⁷.

В конце 1642 г. на территории Киргизской земли объявились монголы. 27 декабря 1642 г. в Красноярск пришла группа казаков во главе с казачьим пятидесятником Первушкой Драчевым, посланная из острога 20 ноября для сбора ясака «в сочи и в сояны». По словам Драчева, на киргизской территории им встретился отряд из 500 монголов, во главе которого будто бы стоял сам алтын-хан (впрочем, казаки заявили, что не знали хана в лицо). Монгольский предводитель сначала требовал от казаков подарков, а потом ограбил их, под тем предлогом, что послы алтын-хана к русскому царю ранее были ограблены в Чердыни. Также он допрашивал казаков о том, где «на Красном яру казачьи и татарские табуны ходят и аринских... татар юрты кочюют», а потом угрожал, что не «даст пашенным крестьянам пахать и из Енисеи реки воды пить и аринских... татар всех побьют» (видимо, демонстрируя свое недовольство разгромом русскими киргизов). Еще Первушка рассказал воеводе, что «алтыновы люди» хотели было его с «товарищами» убить, раздели их донага и «водили по снегу босых», а также требовали, чтобы казаки поклонились им «по своей вере», «припадчи на коленки» (русские отказались это делать). В конце концов, монгольский владетель поставил условие, что если красноярцы будут собирать ясак с сочинцев (точинцев, т.е. тоджинцев) и саянцев, то он придет под Красноярск и станет собирать ясак с красноярских служилых людей. Несмотря на такую встречу с монголами,

Первушка и его люди сумели пообщаться с киргизским князцом Бехтенем и тубинскими князцами, которые говорили, что «царь» якобы пришел «на пособ против воиводы Ивана Кобыльского» «сибирских городов воевать», а всего при нем войска 1 тыс. чел. К тому же, князцы заверили Первушку, что «ныне» они алтын-хану «не рады».

Через два дня после приезда Драчева красноярский воевода получил новые сведения о событиях на юге. 29 декабря 1642 г. «из Киргиз» в Красноярск к аринцам «для выкупу ясырей» прибыл татарин Крокай Кам и поведал, что «алтын царь» три года находился в «Китайском царстве», а теперь возвращается на свои кочевья и прислал в Киргизскую землю 20 чел. для сбора с местного населения ясака и особой дани в 100 лошадей. Также к киргизам «для кормли» заявился племянник алтынхана Сянжа-тайша во главе 60 монголов. Таким образом, возможно, что Первушка Драчев со своими людьми приняли за «алтын-царя» его племянника. В тот же день, что и Крокай Кам, в русский острог «прибежал» иноземец Бангаш с поручением от князца Ичинея узнать, «живы ли... или перебиты» казаки, посланные за ясаком в «сочи и саяны» (т.е. группа Драчева). Посланец поведал воеводе, что Сянжа-тайша пошел «зверовать» по Абакану и в это время против него можно послать служилых. Однако, А.П. Баскаков не решился на действия против монголов «без государева указу» и только послал весть об «алтыновых людях» в Томск. Томские воеводы отписали об этом в Москву, откуда пришел ответ «жити с великим береженьем» и «с алтыном и с калмацкими тайши [никакие] задоры и брани не чинити»²⁰⁸.

В мае 1644 г. кузнецкий воевода Д.В. Кафтырев получил от ясачных людей тревожные вести, что в Киргизскую землю идет большое войско (до 6 тыс. чел.) «черных» и «белых» калмыков (джунгар и телеутов), которые якобы собрались напасть на Кузнецкий острог²⁰⁹. Позднее киргизские посланники в Томске сообщили, что контайша (хуйнтайджи — джунгарский хан) через своих людей требовал от киргизов «на себя ясаку и лошадей, потому что у него лошади на боях

побиты». Два киргизских князца отказались платить дань под тем предлогом, что теперь они находятся в подданстве у русского государя, чем вызвали гнев джунгарского владетеля, отправившего вскоре в Киргискзую землю 2 тыс. своих воинов. В результате непокорные князцы со своими улусами, преследуемые джунгарами, ушли «за камень» на р. Абакан, а остальные киргизы заплатили ясак непрошенным гостям. Находясь в «киргизах» не менее четырех недель, «черные калмыки» «испроели» «у них две тысячи лошадей опричь иново скота». Киргизы просили подмоги у русских, однако из Москвы томским воеводам было предписано лишь сделать «выговор» джунгарам²¹⁰.

Поборы населения Киргизской земли со стороны джунгарских и монгольских владетелей носили систематический характер. Как писал в 1644 г. в Сибирский приказ красноярский воевода, «в Кыргыскую землю и в Тубу приезжают калмаки и мугалы и емлют с кыргыских людей и с тубинцов ясак неокладной, з десяти скотин емлют десятую скотину сверх мяхкой рухляди соболей, и лисиц, и бобров, и кашлоков» (кошлок — молодой бобр)²¹¹. Говоря об одних только монголах, он же сообщал в столицу, что «емлют... алтыновы люди ясаку на царя по пяти соболей с юрты да на дву алтыновых братей емлют по соболю с юрты, да... емлют по сту лошадей на год»²¹².

В декабре 1648 г. в Красноярске от тубинского аманата были получены известия, что алтын хан во главе войска в 6700 чел. вместе с «желтыми мунгалами» шли воевать «Тюрсюнскую землю», что вызвало в рядах киргизов и тубинцев переполох. В марте следующего года красноярский воевода узнал, что беспокойство оказалось необоснованным, «алтын... царь из войны не бывал»²¹³.

По окончании похода И.С. Кобыльского произошло распределение «сфер влияния» в отношении «владений» киргизских и тубинских улусов между Томским, Кузнецким и Красноярским уездами.

				•
3A/3A/3A/	mil	hig	t ın	tn

В Томском городе сидели в аманатах алтысарский и езерский князцы, взятые И.С. Кобыльским, а также уже упомянутый Изень (назван в документах «поотчеству», «Кошкин»/Кашкин). 25 декабря 1643 г. «прежним аманатчикам» в Томск пришли «на перемену Ишеива улуса иво, ишеев, внук Номахан Айканов Санчирею на перемену; Ичиней Мергенева улуса улусново человека ясаула Оторочи сын иво Ибаи Ебалаку на перемену, да Изеню князцу на перемену пришла жена иво Ибекей да сын иво меньшой Булчек». Присутствие к концу 1643 г. в перечне томских аманатов двух киргизов (не считая Изеня) наводит на мысль, что тубинского «закладчика» там к этому времени могло не быть. Для решения вопроса о перемене Изеня его родичами томская администрация обратилась к служилым людям и томским татарам, которые сказали, что этот князец «был он у них в Киргиской земле ясаул и от него было многое воровство»²¹⁴. По традиции был сделан запрос в Сибирский приказ, который, согласно отпуску от 14 февраля 1645 г. указал, чтобы Изеня «берегли» «накрепко» и никуда не отпускали, чтобы «никакова дурна от нево не учинилось»²¹⁵.

Тогда князец от своего имени принялся направлять в Москву челобитные, прося отпустить его на родину и перечисляя свои заслуги перед царем. Возымела действие челобитная от 10 ноября 1645 г., в тексте которой говорилось, что Изень некогда спас находившихся в Киргизской земле томских служилых Бажена Каегородца «с товарищи» (всего 4 чел.), которых хотели побить киргизы, рассерженные походом красноярцев против них. Также Изень не позволил убить в Тубинской земле посланных к алтын-хану томских служилых Семена Мезеню «с товарищи»²¹⁶. Весной 1646 г. глава Сибирского приказа Н.И. Одоевский приказал отпустить Изеня (при условии его обмена на родственников), тем самым положив конец шестилетнему заключению князца²¹⁷.

Красноярские воеводы к весне 1644 г. утвердили свое исключительное право брать аманатов у тубинцев. Однако, поскольку до 28 мая 1644 г. тубинские

«закладчики» не были присланы из Томска в Красноярск (как мы уже предположили, их могло уже не быть в разрядном центре), воевода А.П. Баскаков посылал «в Тубу» за новыми «закладчиками» пятидесятника Савостку Самоснова²¹⁸. Поездка Самсонова оказалась безуспешной, однако во второй половине 1644 г. красноярскому воеводе все же удалось добиться своего.

Детали режима содержания тубинских аманатов на Красном яру можно найти в отписке воеводы П.Д. Протасьева, полученной в Москве 9 января 1645 г., согласно которой «тубинских князцов дети прежде... сего сидели по одному, а с ним кошовар, а нынеча... сидят тубинских по два омоната, потому, что тубинские князцы учали присылать улусных мужиков детей, а не княжьих». Как писал воевода, «корму... идет тубинским и братцким омонатом на день на человека по четыре гривенки бес чети мяса, потому что... они хлебных запасов мало ядят, а здеся... покупают мяса пуд по дватцати алтын и болши», а для покупки «корма» аманатам не хватает казенных денег. В ответ Н.И. Одоевский приказал брать в аманаты только «князцов и детей их», а давать корм «не все мясом», но рыбой и хлебом, «что подешевле им мочно съесть»²¹⁹. Судя по позднейшим документам, «меню» аманатов разнообразили по рекомендациям из Москвы. В 1653 г. красноярский воевода М.Ф. Скрябин сообщал в столицу, что в остроге сидят в аманатах «качинские и аринские тотаровья и дальних землиц тубинские и канские и братские князцы по переменам», которым давали «поденной корм хлеб, и мясо, и рыба, и брага»²²⁰.

В 1645 г. красноярский воевода просил у Москвы разрешения взять аманатов с езерцев, поскольку князец Ичиней Мерген, как и прежде, запрещал своим киштымам платить ясак в Красноярск, а также, регулярно наведываясь к ним, грабил их и угонял к себе в улусы. Сибирский приказ в 1646 г. передал этот вопрос на рассмотрение томским воеводам²²¹.

Кузнецкая администрация добилась перевода в Кузнецк из Томска алтырского «закладчика» в целях обеспечения уплаты ясака с алтырских киштымов²²². Он прибыл в Кузнецк 13 июня 1644 г., где ему назначили содержание в виде ежедневной выдачи мяса и рыбы ценой по алтыну «на день». Однако в Томске киргизу был положен более щедрый «корм», «мясо и рыба да по хлебу, да по две чарки вина, да по полуведра браги на день». Поэтому киргиз просил назначить ему содержание как в Томске, и в ответ на его просьбу Сибирский приказ постановил «корм давать по-прежнему»²²³.

В последующем среди аманатов в Кузнецком остроге киргизы пользовались привилегированным содержанием. По государевой грамоте 155 (1646/47) г. киргизскому «закладчику» полагалось «поденного корму по алтыну денег, да по хлебу, да по две чарки вина на день». Телесскому аманату — «по две денги да по хлебу на день». Керсагальскому аманату позднее было назначено такое же содержание, как и телесскому. Кроме этого, всем троим выдавали по ведру браги на каждый день²²⁴.

Распределение сфер влияния в Киргизской земле между Томским городом, Кузнецким и Красноярскими острогами отразилось на шертовании князцов летом 1646 г. государю Алексею Михайловичу.

В июле 1646 г. томский сын боярский Петр Копылов привел к присяге по данной ему из Томска «шертовальной записи» князцов «Алтысарской волости» Табуна, Сенчикея и брата Ишея Кенчибея (видимо, Ишея к тому времени уже не было в живых), а также езерца Ичинея Мергена. Князцов угощали «медом» и дарили им ткани («летчину красную»). У Копылова была инструкция привести князцов в Томск для присяги, но те не пошли туда, отговариваясь угрозой нападения на их землю «брацких людей». Трудности возникли с присягой старого князца Бехтеня, заявившего, что он уже шертовал Михаилу Федоровичу и этого достаточно. Алтырский князец Талай, шертовавший «в Кузнецкий острог», и

тубинский князец Коян, присягнувший красноярцам, отказались присягать томичам²²⁵.

Томские воеводы добились присяги Бехтеня спустя почти два года, в мае 1648 г. (с Бехтенем присягал князец Сенжа). Шерть происходила в улусе князца Кочебая, куда «на урочище Оу реку» прибыли Бехтень и Сенжа, где, присягая, по традиции «пили золото» перед посланными из Томска сыном боярским Степаном Гречаниным и мурзой Бурлаком Аккулиным. Князцы присягали «по шертованой записи» и получили подарки «по получетверта аршина настрафилю синева» 226.

Ключевым вопросом для русской власти после «смирения» киргизских и тубинских князцов был вопрос о ясаке с киргизов, тубинцев и народностей, которых они считали своими киштымами.

Томский уезд в результате похода И.С. Кобыльского «прирос» только одним небольшим острогом с прилегающими к нему землями. В начале 1643 г. состоялась неудачная попытка томичей взять ясак с тубинцев и моторцев, когда прибывший «в Тубу» Степан Гречанин обнаружил, что там уже побывали красноярские ясачные сборщики. К тому же, когда Степан проезжал через кочевья алтысарцев, князец Ишей ему заявил, что он со своими людьми готовы после ожидаемого возвращения посольства Таитыкая из Москвы служить царю, а не быть податными²²⁷.

Несмотря на шерть царю, алтысарцы продолжали появляться в ясачных волостях Томского уезда. Так, в 1645 г. воевода О.И. Щербатой информировал Сибирский приказ, что «киргиские князцы и улусные их люди летом и зимою приезжают в...ясашные волости по Чюлыму и Кие, в Ячинскую волость... ясашных тотар и остяков грабят и всякие их животы, и скот, и лошади, и коровы, и жен, и детей, и племянников отымают, бутто емлют за долги». Воевода пытался вразумить киргизов, но они настаивали, что приходят к ясачным за долгами, и не отдавали русским угнанных родственников и отобранное имущество иноземцев. В марте

******	mil	nict	· into

1646 г. в Сибирском приказе решили указать киргизам, чтобы они не давали ничего в долг ясачным, а за разрешением имущественных споров обращались в Томск²²⁸. Это повеление не было исполнено и поэтому народности Томского уезда продолжали подвергаться жестокой эксплуатации киргизскими Например, в мае 1647 г. басагарский татарин Чахрак (видимо, уже упомянутый вож в походе 1642 г.) рассказал русским о том, как к нему за ясаком заявился князец Инбей. Чахрак дал было ему «в место бобра лисицу красную да кошлока», но Инбей ее не взял и потом забрал «насильством» три лошади и «саадак с стрелами». После Инбея в ясачные волости явилась целая группа князцов со «свитой» (всего около 40 чел.), о которых рассказали ачинскому приказчику кизылский, ачинский и басагарский князцы. Они поведали, что в прежние времена киргизы брали с них ясак «на трех князцей... с человека по три бобра, а ныне... со всяково... тотарина по осми бобров кроме соболей», а именно: княгиня Абакай (сестра джунгарского тайши Хара-Хулы, мать князца Табуна), князцы Табун, Бехтень, ишеев сын Айкан, Отоурну и Яга взяли по бобру; Собутай Таитыкаев сын — два бобра; Юмукай два соболя, Абжи и изирчеевы дети — по соболю. Находясь у ясачных людей, киргизы заявили, что они «с казаками рады битца, а что... их заклады в Томском городе, и тем закладам в Киргизской земле самим умереть»²²⁹.

К сожалению, из-за отсутствия данных нельзя установить, выросло или уменьшилось ясачное население Томского уезда непосредственно после похода И.С. Кобыльского. По подсчетам Б.О. Долгих, в 1641 г. ясачными книгами в уезде было зарегистрировано 275 чел. Следующий год, за который имеются данные, это 1661, когда здесь числилось 264 чел. (что отражало общую тенденцию к снижению количества ясачного населения Томского уезда в XVII столетии). Как полагал Б.О. Долгих, такое положение было связано со слишком большой ставкой ясака в уезде (10 соболей с человека), при которой ясачные люди намеренно занижали число плательщиков²³⁰.

Воеводская администрация Кузнецкого острога после похода И.С. Кобыльского стремилась увеличить число ясачных людей за счет киргизских киштымов, а также вернуть кузнецких ясачных, откочевавших к алтырцам.

В 151 (1642/3) г. «до ясачного збору» многие ясачные люди из мрасских и кондомских волостей бежали «в киргизы». Князцы Талай и Тюлюк отказались незамедлительно выслать беглых в Кузнецкий уезд, объясняя это тем, что «мраские и кондомские ясачные люди кыштымы их киргиские, а пришли де к ним кормитца»²³¹.

Как было установлено Б.О. Долгих, в кузнецкие ясачные книги регулярно заносились киргизы в качестве плательщиков ясака. Тем не менее после успеха русского оружия в 1642 г. попытки кузнецкой администрации требовать ясак от алтырцев и их киштымов были не слишком успешными. В декабре 1643 г. служилые люди принесли в Кузнецк «ясаку против прошлого 151го году с киргиских людей не сполна» и поведали воеводе, что «дал им... ясак, собрав, князец Талай с товарыщи и сколько... им, служилым людем... ясаку дали, и они... столько и взяли». Подчиненные алтырцам сагайцы вовсе отказали в ясаке русским, заявив, что платить им подати в казну «не велят» киргизы (численность способных давать ясак сагайцев, что проживали в шести «днищах» от Кузнецка, казаки определили в 100 чел.)²³². После того как томские воеводы сообщили в Москву о положении в Кузнецком уезде, Сибирский приказ распорядился к «киргизом... послати служилого человека, а велел киргизом говорити, что их, киргизов и алтырцов, служилых людей, государь пожаловал, ясаку с них имати не велел, а с киштымов их государь указал ясак имати по-прежнему»²³³. Таким образом, просьба киргизов быть «служилыми» людьми, не обязанными платить подати, была формально удовлетворена Москвой.

Думается, алтырские князцы и «лучшие люди» сами никогда не «зверовали» для уплаты ясака, а отдавали кузнецким служилым часть пушнины, собранной со

www.mil		

своих киштымов, и делали это за подарки, о чем свидетельствует следующий эпизод. 15 сентября 1645 г. кузнецкий воевода А.И. Зубов послал «для ясачного збору в киргизы х киргизским кыштымам, в сагаи, и в салылары, и в табаны, и в пелтири, и в чиштары» группу служилых во главе с пятидесятником Поспелкой Ивановым. По возвращении казаки сообщили воеводе, что «табанские, и пелтирские, и чиштарьские люди» дали ясака «по соболю и по пяти хвостов с человека», а также позволили переписать плательщиков ясака. Сагайский же князец Куруган «с товарищи» «недособолишка и хвостишка собольи плохие, связав в суме, и служилым людем... кинули под куст нечесно, а имян своих на роспис переписати не дали». Этот акт неуважения к русской власти был совершен по приказу князца Талая, который выговорил казакам, что «прежде сево при прежних воеводах посылывано ему, Талаю, из Кузнецково острогу... жалованья по два аршина доброво сукна, а ныне... неведомо воевода не посылает, неведомо служилые люди корыстуютца, не отдают». Разрешая возникшую проблему, Сибирский приказ распорядился кузнецким воеводам посылать подарки Талаю²³⁴.

Главным итогом похода И.С. Кобыльского для Кузнецкого уезда стала стабилизация положения на его восточных рубежах, благодаря которой местные казаки сумели объясачить некоторых киштымов алтырцев, а также керсагальцев, которые считались киштымами джунгар (что вызвало недовольство ойратских владетелей)²³⁵.

Победа над киргизами в 1642 г. благотворнее всего сказалась на Красноярском уезде, который существенно расширился.

Прежде всего, красноярские воеводы стремились вернуть в ясачный платеж выбывших из него иноземцев (например, «подгородних» татар). Первыми на родные кочевья вернулись аринцы, количество плательщиков ясака среди которых в 1641 и 1642 гг. возросло до 80 чел. Одним из последних в 1642 г. прикочевал к Красноярску аринский «улусный мужик» Тетюга с группой своих

www.	mıl	lhı	St.1	nto

родственников²³⁶.

8 февраля 1644 г. из Киргизской земли в Красноярск приехали посланные воеводой за качинцами казак Якушка Зырян и князец Абытай Тюлькин, которые поведали, что киргизы не отпускают татар под тем предлогом, что алтын-хан собирает ясак с них со всех и если красноярские татары уйдут, то люди алтын-хана взыщут с киргизов ясак качинцев²³⁷. Тем не менее уговоры не прошли даром и в 155 (1646/47) г. «из киргиз» вернулись два качинских князца Акарай и Кожарак с 15 улусными людьми (они дали ясак на 155 г. в 61 соболя)²³⁸.

В июле 1648 г. вернувшиеся на родные кочевья качинцы в числе 137 чел. (это, видимо, взрослые плательщики ясака) просили царя, чтобы красноярский воевода не брал с них двух аманатов на год и не привлекал к подводной повинности. Обращаясь к царю, иноземцы именовали себя государевыми холопами, претендуя на служилый статус, и подчеркивали, что в Красноярском остроге «сидят в аманатах тубинские князцы, и братские, и аринские, и ястынские, и канские попеременно», а сами они «в аманатах не сиживали». Резолюция была предсказуемой: «Без аманатов быть не уметь и подвод отставить нельзя»²³⁹.

В Киргизской земле остались качинцы Кушпердий и его сын Татыр, объясняя это тем, что «только де они словут качинцы по старине, а на той де земле они не жывали и родина де их в Кыргиской земле»²⁴⁰.

С 1642 г. возобновляется некогда прерванный ясачный платеж с Яринской землицы, с которой было взято два сорока и один соболь²⁴¹. Существенно выросло количество котовских ясачных людей (с 89 в 1641 г. до 116 в 1642 г.), а также возобновился ясачный платеж с самой Тубинской земли, прерванный до 1642 г.²⁴² Осенью 1646 г. во владения тубинских князцов пришли уштеские татары в количестве 50 чел., которые некогда были киштымами Кояна и какое-то время жили у калмыков (джунгар). Эта группа дала небольшой ясак красноярскому воеводе в 5 соболей и 9 «недособолей»²⁴³.

www.mi	

Возможно, наиболее ценным приобретением стало присоединение к Красноярскому уезду в 1645–1647 гг. землицы, населенной бурятами, корчунами, тунгусами и карагасами, посреди которой был поставлен Удинский острог («Покровский городок», в наше время — Нижнеудинск)²⁴⁴ и возглавляемой бурятским князцом Ойланом. Спустя некоторое время красноярские ясачные сборщики смогли получить ясак с далекой Саянской земли²⁴⁵.

Несмотря на все успехи, полностью пресечь влияние тубинских князцов на ясачных людей так и не удалось. В 152 (1643/44) г. красноярский воевода А.П. Баскаков посылал в Канскую, Камасинскую и Кашинскую волости служилых, и они не смогли собрать там полный ясак. В Канской земле это произошло, поскольку были «ясашыне люди нужны и бедны, и соболем... в нынешнем году лову не было». Камасинцы не смогли дать пушнину, как они объясняли, потому что «приезжеют к ним тубинские князцы Коян, и Илик, и Онгур, и Кара» и берут с них ясак. В итоге недобор «мягкой рухляди» составил 4 сорока и 29 соболей²⁴⁶.

Грабежи ясачных людей тубинцами продолжались и в последующее время. В 162 (1653/4) г. красноярский воевода М.Ф. Скрябин писал в Сибирский приказ, что с канскими людьми было «договорено» «им платить ясаку и поминков во всех улусех по шти соболей с пупки и с хвосты» с каждого ясачного человека. Фактически они давали по 2-4 соболя с человека на год, изредка — 5 или 6, а некоторые не давали ничего, и поэтому полный ясак собрать никогда не удавалось. Происходило это потому, что в Канскую землю регулярно приходили тубинцы в числе до 50-60 (и более) чел. и отбирали у ясачных пушнину, а также «котлы и топоры, и ножи, и стрелы». Иногда дело доходило до увода тубинцами ясачных людей в свои улусы²⁴⁷.

Несмотря на то что киргизские и тубинские князцы после похода 1642 г. сохранили фактическую независимость от России, были случаи, когда некоторые из них, а также их киштымы обращались к русской юрисдикции. Так, в марте 1645

www.mi	

г. тубинский князец Унгур прислал в Красноярск своего киштыма, замешанного, по его мнению, в убийстве русских ясачных сборщиков²⁴⁸. В 157 (1648/49) г. трое керетцев (представителей тюркоязычной группы, проживавшей по р. Абакану) жаловались красноярскому воеводе на «гулящих людей», отправленных за хмелем «вверх по Енисею», обокравших их лабазы. В отписке воеводы отмечалось, что керетцы относились к Кузнецкому уезду, на основании чего можно судить об их связи с Алтырским улусом. Тем не менее воевода принял меры для поиска украденного имущества (правда, они не увенчались успехом)²⁴⁹.

Поскольку киргизские и тубинские князцы претендовали на служилый статус, были попытки привлечь обитателей Киргизской земли к участию в походах на стороне русских. В 1643 г. красноярский воевода безуспешно хотел получить помощь от киргизов и тубинцев для действий против князца Ойлана²⁵⁰. Несмотря на то что эти иноземцы не горели желанием сражаться за царя, все же имел место как минимум один случай участия тубинцев в русском походе. Это был поход племянника красноярского воеводы А.А. Бунакова — К.С. Бунакова, против родичей Ойлана: князцов Узуна, Чиначея и Бакала. 19 июня 1652 г. отряд выступил из Красноярска и 4 июля «развоевал» улусы этих князцов. В войске Бунакова насчитывалось 123 русских служилых (включая командира и «голов»), 50 качинцев, 60 аринцев, 60 канских, 25 корчунских людей и 15 тубинцев (всего 333 чел., в т.ч. 210 иноземцев)²⁵¹.

Налаживание мирного сосуществования русских властей и киргизских князцов выразилось в попытках установить торговые связи. В 1646 г. Петр Копылов по поручению томских воевод призвал киргизов приезжать для торга в Томск²⁵². Киргизы почти сразу воспользовались этим предложением: например, летом 1648 г. приходили торговать к русскому разрядному центру²⁵³. К сожалению, фрагментарная сохранность томских таможенных книг не позволяет детально описать русско-киргизские торговые контакты в интересующий нас период.

Известно, что киргизы, будучи скотоводами-кочевниками, поставляли на томский торг вместе с «калмаками» (телеутами) и «мунгалами» (людьми алтын-хана) крупный рогатый скот и лошадей. Например, за один день 2 октября 1656 г. киргизы продали в Томске 60 коров («скотин») и одного коня²⁵⁴.

Подводя итоги настоящему исследованию, следует сказать, что почти все задачи, поставленные перед Я.О. Тухачевским и И.С. Кобыльским, были выполнены. Киргизские и тубинские князцы потерпели тяжелое поражение, присягнули русскому царю и дали аманатов. Война, длившаяся с 1609 г. (33 года), прервалась почти на четверть века. На рубеже Киргизской земли был поставлен новый острог. Многие киргизские киштымы были утверждены в ясачном платеже, количество ясачных людей несколько увеличилось (правда, «прибыли» такой как от Якутии с Киргизской земли не последовало).

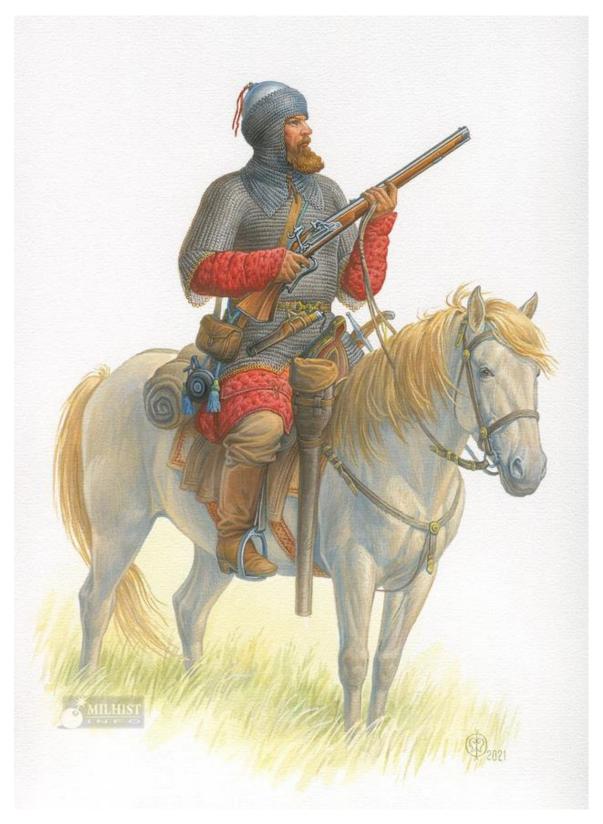
Важным условием успеха кампании 1642 г. было участие на русской стороне представителей сибирских народов (чатов, томских татар, аринцев и др.), которые были воинами и проводниками отрядов.

В ходе «киргизской службы» воеводам пришлось решать массу проблем логистического и дисциплинарного характера. В условиях, когда дисциплинарная власть воеводы была относительно слабой (чтобы наказать «воров» приходилось писать в Москву и отвечать на встречные обвинения), многое зависело от личностных качеств военачальника, поэтому многолетний военный опыт И.С. Кобыльского пришелся как нельзя кстати. Заслуги Я.О. Тухачевского не менее существенны, хотя в историографии существуют негативные оценки его деятельности. Так, Д.Я. Резун характеризировал Я.О. Тухачевского как проводника политики государства, которое стремилось «прибрать к рукам пушной рынок». Бунт против воеводы исследователь расценивал как акт «социальной», «классовой» борьбы людей, которые якобы конкурировали с государством в обороте пушнины²⁵⁵. В.А. Александров и Н.Н. Покровский в перестроечной книге «Власть

www.i	mıl	lhı	St.1	nto

и общество. Сибирь в XVII в.» бросали Я.О. Тухачевскому абсурдный упрек в непонимании «особенностей организации и психологии казачьего войска»²⁵⁶. В настоящее время такие оценки нуждаются в пересмотре.

Несмотря на то что киргизские и тубинские князцы были вынуждены прекратить войну против России, русской администрации не удалось установить полный контроль над Киргизской землей. Из-за скромных экономических и военных ресурсов в регионе воеводы не могли пресечь эксплуатацию киргизской и тубинской родовой верхушкой киштымов, числившихся ясачными людьми, а также пресечь эксплуатацию народностей Киргизской земли джунгарскими и монгольскими владетелями. Сохранившиеся противоречия через много лет после похода И.С. Кобыльского послужат причиной начала новой русско-киргизской войны.

Красноярский атаман Милослав Иванов сын Кольцов перед боем с киргизами 9 августа 1642 г.

Илл. Федорова О.В. 2021 г.

www.milhist.info

www.mi	

¹ Фишер И.Э. Сибирская история. — СПб., 1774. — С. 479-482.

 $^{^{2}}$ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Книга первая. — СПб., 1886. — С. 42.

³ Андриевич В.К. История Сибири. — СПб., 1889. — Ч. 1. — С. 113, 124.

⁴ Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. — Иркутск, 1925. — С. 60.

⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века. // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. — Томск, 1950. — Т. 112. — С. 110, 196.

⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 205.

 $^{^7}$ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. — Абакан, 1957. — С. 25, 28, 39.

⁸ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — С. 50, 51.

⁹ Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторической очерк). — Фрунзе, 1968. — С. 83.

¹⁰ Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье XVII-XIX вв. — Новосибирск, 1984. — С. 76, 77.

¹¹ История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. — М., 1993. — С. 182.

¹² Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). — Екатеринбург, 1998. — С. 89.

¹³ Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007. — С. 112, 113.

¹⁴ Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. — Абакан, 2007. — С. 68, 69.

¹⁵ Бутанаев В.Я. Сказания о великом хакасском князе Еренаке. — Абакан, 2006. — С. 8.

¹⁶ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени. — СПб., 2008. — С. 627.

¹⁷ Барахович П.Н. Борьба с князьями енисейских киргизов в 1641-1642 гг. и основание Ачинского острога [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 234-264. http://www.milhist.info/2015/11/25/barakhovich_1 (25.11.2015).

- 18 Абдыкалыков А.Н., Бутанаев В.Я. Материалы по истории Хакасии XVII начала XVIII века.
- Абакан, 1995. С. 113-118.
- 19 Акишин М.О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII начала XVIII в.
- Новосибирск, 2000. C. 157.
- 20 Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 120-195.
- ²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 23-44 (Наказ Я.О. Тухачевскому), 333а-423 (дело о перемене воевод).
- ²² Там же. Стб. 84. Л. 588; Стб. 250. Л. 202, 203; Стб. 252. Л. 149.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — С. 232-241.

- ²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Л. 2.

Бахрушин С.В. Научные труды. — M., 1955. — T. 3. — Ч. 2. — С. 178.

- ²⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 1. С. 317.
- ²⁷ См. подробнее в нашей работе. Барахович П.Н. Поход Андрея Просовецкого в Киргизскую Землю 1634 г. [Электронный ресурс] // История военного дела исследования и источники. 2021. XI. С. 278-316. http://www.milhist.info/2021/03/20/barakhovich_4 (20.03.2021).
- ²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84 Л. 10, 12-14, 17, 22.
- ²⁹ Родословные росписи, поданные в палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство (публикация Л.Е. Шабаева) // Российская генеалогия. Научный альманах. Выпуск пятый. М., 2019. С. 140, 221.

Данные о происхождении фамилии Тухачевских публиковались еще в дореволюционных изданиях. См. напр. Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской истории. — СПб., 1890. — Ч. 1. — С. 178.

²⁵ Там же. Л. 1.

 $^{^{30}}$ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 5, 68, 69.

³¹ Там же. Л. 23-44.

 $^{^{32}}$ Там же. Л. 125-129, 131, 214а-216а, 248.

³³ Там же. Л. 220.

- 34 Подробная отписка Я.О. Тухачевского об этом. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 245 262, 618.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 485.
- ³⁶ Там же. Л. 342, 343.
- ³⁷ Там же. Л. 476, 483.
- ³⁸ Там же. Л. 484.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 197. Л. 40, 41, 51; Стб. 241. Л. 9. 36, 36а, 36б.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 91. Л 134, 135; Стб. 241. Л. 29; Стб. 112. Л. 523.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 7, 11, 15, 22, 59.
- ⁴² Там же. Стб. 91. Л. 29, 30.
- ⁴³ Там же. Стб. 227. Л. 135-139.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 112. Л. 113-119.
- ⁴⁵ Там же. 3. Стб. 112. Л. 117, 118.
- ⁴⁶ Там же. Стб. 112. Л. 32, 33.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 113. Ч. 2. Л. 296-298.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 84. Л. 309, 313.
- 49 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 311, 336a; Стб. 215. Л. 124; Стб. 112. Л. 480, 477.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 311, 346a., 711; Стб. 445. Л. 38.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 297.
- 52 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 336а-338а; Стб. 215. Л. 124, 125.
- 53 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 298, 299, 361.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 84. Л. 299, 300, 338а.
- ⁵⁵ Там же. Стб. 84. Л. 338a.
- 56 Там же. Стб. 84. Л. 301.
- 57 Там же. Стб. 84. Л. 301, 330.
- ⁵⁸ Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 216.
- 59 Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.3. Ч.2. С. 205.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 292. Л. 54, 77; Стб. 132. Л. 57; Стб. 84. Л. 547.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 349, 375, 376, 383, 502.
- ⁶¹ Там же. Л. 315-317.

- ⁶² Там же. Л. 320.
- ⁶³ Там же. Л. 351.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 351 об., 437, 438.
- ⁶⁵ Там же. Л. 354.

Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье XVII-XIX вв. — Новосибирск, 1984. — С. 60, 61.

- 66 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 351-351а. Большинство листов в столбце, относящиеся к челобитным, литерные.
- ⁶⁷ Там же. Стб. 84. Л. 342-345, 471, 500, 501, 523.
- ⁶⁸ Там же. Стб. 84. Л. 472.
- ⁶⁹ РГАЛА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 302. Л. 75.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 476-478, 511, 518; Стб. 136. Л. 80.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 503, 525.
- ⁷² Там же. Стб. 302. Л. 76.
- ⁷³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 518, 524.
- ⁷⁴ Там же. Л. 493.
- ⁷⁵ Там же. Л. 373, 473, 474.
- ⁷⁶ Там же. Л. 332.
- 77 Там же. Л. 526.
- ⁷⁸ РГАЛА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 112. Л. 297.
- 79 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 322, 323, 451, 452,
- 80 Там же. Л. 493.
- ⁸¹ Там же. Л. 530.
- 82 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 120, 127.
- 83 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 424, 424 об., 425, 432-435, 478, 479.
- ⁸⁴ Там же. Л. 353, 354, 365.
- ⁸⁵ Там же. Л. 353-372. («Расспросные» речи)
- ⁸⁶ Там же. Л. 374.
- ⁸⁷ Наказы И.С. Кобыльскому. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 374-383; Стб. 113. Ч. 1. Л. 135-144.
- 88 Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 89.
- ⁸⁹ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 372.

- ⁹⁰ Сухотин Л.М. Четвертчики Смутного времени (1604-1617). М., 1912. С. 106.
- ⁹¹ Русская историческая библиотека (далее РИБ). Т. 35. № 254. Стб. 416.
- ⁹² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века.
- М.;Л., 1948. С. 154, 156.

Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. І. № 193. С. 209.

- ⁹³ AMΓ. T. I. № 530. C. 506.
- ⁹⁴ AMΓ. T. II. № 288. C. 180, № 309. C. 191, № 323. C. 200, № 331. C. 205, № 338. C. 216.

РИБ. Т. 10. С. 411. 28 февраля в Севск на смену Кобыльскому направлен Н.Ю. Кирилов.

- 95 РГАЛА. Ф. 210. Оп. 18. Л. 147. Л. 4.
- ⁹⁶ Наказ «сыщику»: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее АИ). Т. IV. № 60. С. 166. Результаты сыска: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее ДАИ). Т. III. № 82. С. 286-297.
- ⁹⁷ Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 171, 236.
- 98 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 396, 398-401.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 113. Ч. 1. Л. 135. Дата прибытия грамот из Москвы определяется нами по дате прибытия отписки сургутского воеводы в Томск.
- 100 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 450, 451.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 452-457, 530, 531.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 43-49.
- 103 Там же. Стб. 84. Л. 530, 531.
- 104 Там же. Стб. 84. Л. 508, 509.
- ¹⁰⁵ Там же. Стб. 84. Л. 531-533
- 106 Там же. Стб. 84. Л. 508, 519.
- 107 Там же. Стб. 84. Л. 519-522.
- 108 Там же. Стб. 84. Л. 507, 508.
- ¹⁰⁹ Там же. Стб. 84. Л. 534.
- 110 Там же. Стб. 84. Л. 535, 536.
- 111 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 537, 538, 562-568; Стб. 241. Л. 50, 50 об., 51-57.
- 112 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 538, 539.
- 113 Там же. Стб. 227. Л. 181.
- 114 Там же. Стб. 84. Л. 540-542.

```
115 Там же. Стб. 84. Л. 545, 547, 548, 554.
```

- ¹²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 141; Стб. 129. Л. 237, 257 (в последнем листе награждение Куземки). Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 409. С. 566-569.
- 124 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 316, 317, 378; Стб. 113. Ч. 1. Л. 137-139, 142.

- ¹³² На Л. 701 (Стб. 84), внизу, читаются фрагменты букв, которые могут быть остатками записи имени одного из служилых людей сотни С. Неверова. В таком случае численность отряда будет ровно 870 чел.
- ¹³³ Лист 691 (Стб. 84) столбца 84 был поврежден при реставрации и поэтому имя Яна Ржитцкого читается не полностью. Также на Л. 731 читается только отдельные буквы его фамилии. Ян Ржитцкий упомянут среди награжденных за поход томичей (Стб. 259. Л. 220). С учетом того, что Ржитцкого нет в списке детей боярских, бывших в ертауле, он должен находиться в списке сотенных голов.

¹¹⁶ Там же. Стб. 241. Л. 51.

¹¹⁷ Там же. Стб. 84. Л. 569-571.

¹¹⁸ Там же. Стб. 84. Л. 551.

¹¹⁹ Там же. Стб. 84. Л. 572-575.

¹²⁰ Там же. Стб. 84. Л. 551-553.

¹²¹ Там же. Стб. 84. Л. 554-556, 752-753.

¹²² Там же. Стб. 84. Л. 556-561, 753-757.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 113. Ч. 1. Л. 142, 143, 144.

¹²⁶ Там же. Стб. 84. Л. 582.

¹²⁷ Там же. Стб. 113. Ч. 1. Л. 114.

¹²⁸ Там же. Стб. 84. Л. 582, 759.

¹²⁹ Там же. Стб. 84. Л. 759-761.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 126. Л. 54; Стб. 113. Ч. 2. Л. 247, 248; Стб. 241. Л. 71.

¹³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 131.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 583, 605.

¹³⁵ Там же. Стб. 241. Л. 69.

¹³⁶ Там же. Стб. 215. Л. 131.

¹³⁷ Там же. Стб. 136. Л. 755.

 ¹³⁸ Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-минусинского края. — Абакан, 1995. — С.
88, 135.
www.milhist.info

- 139 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 583, 597.
- 140 Там же. Стб. 84. Л. 583, 598, 605.
- ¹⁴¹ Там же. Стб. 215. Л. 131.
- ¹⁴² Там же. Стб. 84. Л. 741.
- 143 Там же. Стб. 84. Л. 769.
- 144 Там же. Стб. 241. Л. 69, 71.
- 145 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 126. Л. 54а, 55; Стб. 113. Ч. 2. Л. 250, 251.
- 146 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 73. Отметим, из-за дефекта Л. 691 столбца 84 уверенно читается только то, что голова Ян Глинский убил мужика, а голова Иван Ржитцкий убил мужика и под мужиком коня.
- 147 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 132.
- ¹⁴⁸ Там же. Стб. 113. Ч. 2. Л. 248.
- ¹⁴⁹ Там же. Стб. 215. Л. 106.
- 150 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 699.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 705.
- ¹⁵² Там же. Л. 709.
- ¹⁵³ Там же. Л. 720.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 722.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 726.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 731, 733.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 742.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 745.
- 159 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1683. Ч. 1. Л. 262, 263, 268.
- 160 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 584.
- ¹⁶¹ Там же. Стб. 126. Л. 55, 55а.
- 162 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 70; Стб. 113. Ч. 2. Л. 249; Стб. 126. Л. 53.
- 163 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 78-84; Стб. 252. Л. 303; Стб. 215. Л. 30.
- ¹⁶⁴ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 21.
- ¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 586-588.
- ¹⁶⁶ Там же. Стб. 252. Л. 174.

- 167 Санкт-Петербургский филиал архива Российский академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 21.
- Оп. 4. Кн. 17. № 245. Л. 472 об., 473.
- ¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 113. Ч. 2. Л. 250.
- 169 Там же. Стб. 113. Ч. 2. Л. 251.
- ¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 623. Ч. 1. Л. 27, 28. При этом, Начикайка путался в «отчестве» Ишея, которого назвал Сыгзыновым. «Отчество» Кочебая не читается полностью в документе.
- 171 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 670а-674.
- ¹⁷² Там же. Л. 676, 677.
- 173 Там же. Л. 687-689.
- 174 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 467.
- ¹⁷⁵ Там же. Стб. 84. Л. 64-66.
- ¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 582; Стб. 113. Ч. 1. Л. 125.
- 177 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 133, 134.
- 178 СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. № 245. Л. 471-474 об.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 587.
- 179 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 50, 52.
- 180 Там же. Стб. 252. Л. 173, 174.
- 181 Там же. Стб. 215. Л. 54, 56.
- ¹⁸² СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 17. № 245. Л. 473 об.
- 183 Там же. Кн. 17. № 245. Л. 471 об. 472.
- ¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 150, 151. Приезд И.И. Кобыльского датируется по времени получения отписки И.С. Кобыльского в Москве.
- 185 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 113. Ч. 2. Л. 419.
- 186 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 761.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 763-768.
- 188 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 457. Ч. 2. Л. 339, 340.
- ¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 215. Л. 159-164. Отпуски грамот о награждении: Л. 165-168.
- 190 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 129. Л. 410, 411.
- ¹⁹¹ Там же. Стб. 215. Л. 163-168.
- ¹⁹² Там же. Стб. 215. Л. 168.
- ¹⁹³ Там же. Стб. 129. Л. 411, 412.

- 194 Там же. Стб. 259. Л. 220, 221.
- 195 Там же. Стб. 222. Л. 427-435.
- ¹⁹⁶ Там же. Стб. 259. Л. 207, 208.
- ¹⁹⁷ Там же. Стб. 129. Л. 392-412. (Челобитная и доклад.)
- ¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 129. Л. 413-438. (Отпуски в Тобольск, Тару, Тюмень и Томск, а также списки награжденных).
- ПФА АРАН. 21. Оп. 4. Кн. 17. № 246. Л. 475-475 об.
- 199 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 250. Л. 25
- 200 Там же. Стб. 129. Л. 293, 294, 305.
- ²⁰¹ Там же. Стб. 215. Л. 30.
- 202 Там же. Стб. 222. Л. 151-155, 160, 160 об. 164.
- ²⁰³ Там же. Стб. 222. Л. 153.
- ²⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 175-177. 178, 178 об. 180. В этом году татары посылали 2 одинаковые челобитные.
- ²⁰⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 68, 68 об. О том, что кузнецкие служилые, возможно, получили деньги могут свидетельствовать пометы «+» против имен на их послужном списке. Но, эта версия еще требует подтверждения. См. Стб. 84. Л. 702.
- ²⁰⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 455. Л. 278.
- ²⁰⁷ Чимит-Доржиев Ш.Б. Неопубликованные письма монгольских (ойратских) ханов как источник по русско-монгольским отношениям XVII века // Труды Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. Т. 150. Сборник научных работ кафедр всеобщей истории и истории СССР. С. 97.
- 208 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1462. Л. 181 186, 188 об., 176. Листы столбца перепутаны, идут в обратном порядке.
- 209 РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 336, 337, 474.
- ²¹⁰ Там же. Стб. 455. Л. 337, 338.
- Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (Исторической очерк). Фрунзе, 1968. С. 109, 110.
- ²¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 722.
- ²¹² Там же. Стб. 136. Л. 755.
- 213 Там же. Стб. 296. Л. 321, 322.

- 214 Там же. Стб. 136. Л. 286, 287, 291, 292.
- ²¹⁵ Там же. Стб. 136. Л. 293.
- ²¹⁶ Там же. Стб. 250. Л. 168в, 168г, 168д, 168е.
- ²¹⁷ Там же. Стб. 250. Л. 149, 149 об.
- 218 Там же. Стб. 136. Л. 531, 531 об., 532.
- ²¹⁹ Там же. Стб. 250 Л. 190, 190 об.
- 220 Там же. Стб. 446. Ч. 2. Л. 465, 466.
- ²²¹ Там же. Стб. 250. Л. 200-203.
- 222 Там же. Стб. 136. Л. 440, 440 об.
- 223 Там же. Стб. 250. Л. 256, 256 об.
- 224 Там же. Стб. 296. Л. 176.
- 225 Там же. Стб. 252. Л. 144-154.
- 226 Там же. Стб. 252. Л.162-164.
- ²²⁷ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. № 255. Л. 499 и об.
- 228 РГАЛА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 1-9.
- ²²⁹ Там же. Л. 172-174.
- ²³⁰ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 96,
- 97. 98. См. табл. 32.
- 231 РГАЛА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 250. Л. 358.
- 232 Там же. Стб. 136. Л. 440, 441.
- ²³³ Там же. Стб. 136. Л. 440 об.
- 234 Там же. Стб. 259. Л. 306-309.
- ²³⁵ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 105, 106.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 352, 353.
- 236 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 226.
- ²³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 754, 755.
- ²³⁸ Там же. Стб. 292. Л. 88.
- 239 Там же. Стб. 296. Л. 121, 121 об., 122.
- ²⁴⁰ Там же. Стб. 292. Л. 94.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — С. 230.

²⁴¹ Там же. — С. 232-235.

²⁴² Там же. — С. 243, 265, 266.

²⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 292. Л. 89-91. Тут же – поименный перечень уштерцев.

²⁴⁴ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — С. 250.

²⁴⁵ Там же. — С. 257.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 136. Л. 533, 533 об; Стб. 259, Л. 141 и об.

²⁴⁷ Там же. Стб. 446. Ч. 2. Л. 283-283 об.

²⁴⁸ Там же. Стб. 146. Л. 77, 78.

²⁴⁹ Там же. Стб. 296. Л. 324-329. В отписке приводится перечень имущества. У керетца Оирота было украдено «две шубы волчьи; пять волков; шуба лисья; четырнатцать лисиц красных; шуба соболья под камкою по подолу на верхней стороне ставлены соболи добрые, пушен выдрою; азям желт камчат; азям камчатой черной да шубу черную соболью сукню чарчатую; завесу суконную; кожу красную; пятнатцать соболей добрых да выдру; сто голов змеевых; сапоги красные; чюлки красные; сто раковин; двесте пугвиц медных; десеть стрелных желизец».

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 42, 43.

²⁵¹ Там же. Стб. 241. Л. 265.

²⁵² Там же. Стб. 252. Л. 145, 151.

²⁵³ Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. — Абакан, 2007. — С. 116.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 359. Л. 34 об.-36.

²⁵⁵ Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье XVII-XIX вв. — Новосибирск, 1984. — С. 66, 67.

²⁵⁶ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. — Новосибирск, 1991. — С. 100.